СОЛДАТЫ
СТАЛЬНОЙ КРЕПОСТИ

ВЛАДИМИР ГОРОЖАНКИН

Чапаев

Владимир Горожанкин

Солдаты стальной крепости

«Автор»
2025

Горожанкин В.

Солдаты стальной крепости / В. Горожанкин — «Автор», 2025 — (Чапаев)

В охваченной пламенем Гражданской войны и смертоносным вирусом России 1925 года легендарный комдив Василий Чапаев и его верные бойцы на бронепоезде «Победа» ведут отчаянную борьбу за выживание человечества. Сражаясь с полчищами кровожадных упырей, они сталкиваются с новым, еще более страшным врагом – таинственным князем Оболенским, стремящимся установить свой жуткий порядок на руинах старого мира. Это эпическая история о мужестве, любви перед лицом смерти и последней отчаянной попытке прорваться к осажденной Москве, ставшей последним оплотом надежды.

© Горожанкин В., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Пролог 5
Часть 1: Тревожный гудок 8
Глава 1 9
Глава 2 15
Глава 3 23
Глава 4 29
Глава 5 37
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Владимир Горожанкин
Солдаты стальной крепости

"Пока человек не сдаётся, он сильнее своей судьбы"
Эрих Мария Ремарк

Пролог

Год 1925 от Рождества Христова. Семь долгих, кровавых лет минуло с той поры, как мир, едва начавший зализывать раны Великой войны и переживший опустошительную "испанку", рухнул в бездну, неизмеримо более жуткую и беспощадную. Семь лет, как по истерзанной земле широкой, неумолимой поступью шагала новая чума – порождение не слепых сил природы и не древних суеверий, но человеческой гордыни, дерзнувшей вторгнуться в святая святых бытия, в саму тайну жизни и смерти.

Все началось не в адских глубинах, а в стерильной тиши лабораторий, затерянных где-то в сердце поверженной Германии, или, как упорно твердили потом дошедшие из-за кордона слухи, на нейтральной земле Швейцарии. Был конец тревожного 1918 года. Группа амбициозных ученых, щедро финансируемая тайным международным консорциумом промышленников, чьи имена так и канули в Лету вместе с прежним миром, вознамерилась бросить вызов самому Времени. Они мечтали создать "Эликсир Бессмертия", или, по крайней мере, средство для радикального продления человеческого века, для невиданной регенерации тканей. Эксперименты, окруженные плотной завесой секретности, проводились на том материале, которого послевоенная Европа предоставляла в избытке: на трупах солдат и животных. И ученые добились своего. Почти. Созданный ими "Вирус Прометея", как они его нарекли, действительно обладал способностью перезапускать угасшие клетки. Но огонь, похищенный у богов, вместо того чтобы осветить человечеству путь к вечной жизни, обернулся всепожирающим пожаром, охватившим планету.

Первые "воскресшие" были лишь жалкими, неуклюжими подобиями людей, лишенными разума, движимые одним-единственным, первобытным инстинктом – голодом. Чудовищным, ненасытным голодом, который гнал их на живых, заставляя передавать проклятую заразу с каждым укусом, с каждой каплей крови. Поначалу отдельные вспышки этой новой, невиданной болезни удавалось локализовать, с трудом скрывать от общественности. Смерти списывали на бушующий тиф, на бешенство, на зверства банд мародеров, коих развелось неисчислимое множество на руинах старого порядка. Технологии начала двадцатого века – редкие телеграфные линии, капризные радиостанции, газеты, скованные военной цензурой и шоком послевоенной нестабильности, – не способствовали быстрому распространению достоверной информации. Правда тонула в океане слухов, домыслов и официальной лжи, и это играло на руку вирусу.

Но вирус не дремал. Он менялся, приспосабливался. К 1920-1922 годам "Прометей" мутировал, став неизмеримо агрессивнее и заразнее. "Зомби", или, как их окрестил в ужасе простой народ, "Ходячие Упыри", а то и просто "Мертвяки", стали проворнее, сильнее, а главное – обрели подобие коллективного разума, сбиваясь в огромные, слепые орды, сметающие все на своем пути. Отдельные города и целые регионы пали под их неудержимым натиском, превращаясь в мертвые, безмолвные царства, где правили лишь голод и смерть. Правительства европейских стран, еще недавно делившие мир, в отчаянии бросали против новой угрозы свои армии. Но это была война, в которой не существовало пленных, а каждый павший в бою солдат лишь пополнял легионы врага. Железнодорожное сообщение, стальные артерии

цивилизации, превратилось в последнюю, хрупкую нить, связывающую остатки человеческого мира. Мощные паровозы, наспех обшитые броневыми листами, стали последними ковчегами на колесах, увозящими горстки спасшихся от наступающего апокалипсиса. К 1925 году мир, каким его знали наши деды, лежал в руинах.

Советская Россия, ослабленная разрухой Первой Мировой и кровавой междоусобицей Гражданской войны, оказалась особенно уязвима перед лицом этой новой, нечеловеческой угрозы. Вирус просачивался в ее пределы с запада, с первыми эшелонами возвращающихся из немецкого и австрийского плена солдат, многие из которых несли в себе скрытую заразу. Он шел с потоками беженцев, спасавшихся от первых, еще локальных вспышек в Европе, проникал с оккупационными войсками и отрядами интервентов, которые в конце восемнадцатого – начале девятнадцатого годов еще хозяйничали на землях бывшей Российской империи. Первые очаги заражения вспыхнули на Украине, в Белоруссии, в портовых городах Балтики – Петрограде, Риге, Ревеле. Их принимали за последствия войны, за эпидемии "испанки", тифа или холеры, за "зверства банд" или "безумие на почве голода". Центральные власти, как красные, так и белые, были слишком поглощены отчаянной борьбой друг с другом, чтобы своевременно оценить истинный масштаб нависшей угрозы.

Гражданская война стала страшным катализатором эпидемии. Бесконечные перемещения войск – Красной Армии, Белых армий, различных национальных формирований и просто разбойничьих ватаг – по огромным территориям разносили заразу с быстротой степного пожара. Зараженный боец, погибший и обратившийся в Упыря, атаковал своих же вчерашних товарищей, и вот уже целый отряд превращался в стаю кровожадных мертвецов. Юг России и Поволжье, ставшие ареной наиболее ожесточенных сражений, первыми испытали на себе всю мощь "Красного Террора Мертвых", как горько окрестили это время уцелевшие.

К 1923-1924 годам большая часть европейской территории России погрузилась в хаос. Крупные города либо пали под натиском орд Упырей, либо превратились в осажденные крепости, отчаянно сражающиеся за выживание. Централизованное управление было практически парализовано. Лишь стальные нити железнодорожных путей связывали уцелевшие анклавы цивилизации. Бронепоезда, грозное наследие Гражданской войны, стали главным средством передвижения, снабжения и обороны. Их экипажи, закаленные в боях ветераны, научились выживать в самых немыслимых условиях. Уцелевшее население и остатки государственных структур массово эвакуировались на восток – за Волгу, на Урал, в бескрайнюю Сибирь, а также на север, где суровый климат и низкая плотность населения давали призрачную надежду замедлить распространение заразы. Железнодорожные станции и депо превращались в укрепленные "станции-крепости", способные выдерживать осаду и обслуживать бронированные ковчеги.

И вот наступил 1925 год. От некогда стосорока миллионного населения бывшей Российской империи, уже понесшего колоссальные потери в горниле двух войн, от голода и болезней, в живых оставалось, по самым оптимистичным прикидкам, не более пяти-семи миллионов человек. Это были рассеянные по огромной стране группы выживших, сконцентрированные в нескольких уцелевших городах-крепостях, на борту курсирующих по стальным магистралям бронепоездов или в затерянных в глуши изолированных сельских коммунах.

Москва, древняя столица, находилась в плотном кольце осады гигантской орды Мертвяков. Кремль, ощетинившийся пулеметами, превратился в последний оплот отчаяния. Высшее политическое и военное руководство Советской России – остатки Политбюро, Совнаркома и Реввоенсовета – было вынуждено эвакуироваться в Самару. Этот волжский город, который в будущем назовут Куйбышевым, исторически рассматривался как запасная столица и теперь, волею судеб, стал центром сопротивления республики. Оттуда, из глубин разоренной страны, предпринимались отчаянные попытки координировать оборону уцелевших террито-

рий и поддерживать хрупкую связь с разрозненными анклавами. Однако связь эта была ненадежна, и многие регионы действовали фактически автономно.

От Красной Армии мирного времени, некогда грозной силы, осталось не более ста пятидесяти, может, двухсот тысяч боеспособных солдат, рассеянных по уцелевшим гарнизонам и мобильным отрядам на бронепоездах. Каждый штык, каждый патрон были на вес золота. Основой военной мощи стали бронепоезда – порядка двадцати пяти – тридцати пяти тяжелых, хорошо вооруженных и бронированных стальных крепостей на колесах, и еще около полусотни легких или наспех собранных импровизированных составов и бронедрезин. И на одном из таких стальных гигантов, носящем гордое имя командира былых времен, продолжалась борьба.

Над истерзанной Россией сгустилась мгла, какой еще не видел свет. Но даже в этой беспросветной тьме, под нескончаемый вой ходячих упырей и скрежет брони о сталь, в сердцах немногих уцелевших, закаленных огнем и сталью, еще теплилась слабая, но упрямая искра надежды. Искра, которую им предстояло либо раздуть в очистительное пламя возрождения, либо позволить ей бесславно угаснуть под ледяным дыханием мертвого мира…

Часть 1: Тревожный гудок

Глава 1

Степь да степь кругом… и мертвяки!

Багряный рассвет лениво выползал из-за зубчатого горизонта, окрашивая бескрайние, выгоревшие заволжские степи в тревожные тона. Воздух, еще не раскаленный дневным зноем, был пропитан горьковатым запахом полыни и едва уловимым, въедливым душком тлена, который ветер приносил с безымянных пустошей, где еще недавно кипела иная, нечеловеческая жизнь. На заброшенном полустанке, носившем когда-то поэтическое, а ныне зловеще-ироничное название "Багряный закат", полторы тысячи верст к востоку от агонизирующей Москвы, застыл стальной исполин – бронепоезд "Победа". Его закопченные, израненные в бесчисленных стычках бока тускло отсвечивали в первых лучах солнца. На платформе перед одним из вагонов, под защитой башни с тяжелым пулеметом, разворачивалась утренняя, почти мирная сцена, диссонирующая с окружающей действительностью.

Василий Иванович Чапаев, в своей неизменной, пропахшей дымом и потом бурке, наброшенной на плечи даже в это раннее утро, и с шашкой, привычно лежавшей на коленях, хмуро склонился над перевернутым патронным ящиком. На его грубо сколоченной поверхности были нацарапаны клетки для шашек. Фигурки, выточенные из дерева и обугленных гильз, замерли в напряженном противостоянии.

– Думай, Петька, думай головой, а не сердцем – густым басом рокотал Чапаев, постукивая костяшками пальцев по ящику. Его взгляд, острый и пронзительный, каким он оглядывал поле боя, сейчас был сосредоточен на черно-белом поле – тут тебе не кавалерийская атака, тут каждый ход – как снаряд в цель. Просчитаешь – победишь. Промажешь – сам под раздачу попадешь. Видишь, куда твой удалец рвется? Прямо в пасть к моим волкам.

Петька Исаев, верный ординарец, сидел напротив, подперев голову кулаком. Его молодое лицо, обычно сияющее неунывающим оптимизмом, было сосредоточенно-напряженным. Он искренне старался постичь премудрости шашечной стратегии, но мысли его, казалось, витали где-то далеко, за пределами этой маленькой, импровизированной баталии.

– Так ведь, Василий Иваныч, – он почесал в затылке, – он же у меня самый бойкий, прорваться хотел, фланг обойти! Думал, как вы учили – внезапность, натиск…

– Натиск без ума – гибель, – отрезал Чапаев, не смягчая тона, но в глазах его мелькнула тень отцовской строгости. – Ты его подставил, как того сапожника под пулемет у разъезда номер семь. Помнишь? Тот тоже думал, что самый резвый. И где он теперь? Кормит воронье… или тех, кто похуже воронья – при последней фразе голос комдива чуть дрогнул, став глуше. Он передвинул свою шашку, с хрустом снимая с доски неосторожную Петькину фигуру. – Вот так. Учись, пока жив. В степи второй раз думать некогда будет.

Неподалеку, прислонившись к шершавой броне вагона, Анка сосредоточенно возилась со своим сокровищем. Ее стройная фигура, обычно затянутая в видавшую виды гимнастерку, сейчас была чуть расслаблена, но руки двигались с выверенной точностью. На коленях у нее лежал разобранный ручной пулемет Льюиса – английский подарок еще с той, старой войны, но до сих пор грозное и надежное оружие. Несмотря на свою внешнюю хрупкость и почти девичью красоту, с которой так контрастировали решительные складки у губ и твердый взгляд серых глаз, Анка обладала недюжинной силой и сноровкой. Блестящие на солнце детали пулемета – тяжелый кожух ствола, дисковый магазин, затвор – ложились в ее умелые руки, как родные. Она протирала каждую часть промасленной тряпицей, ее пальцы привычно находили каждый винтик, каждую пружинку. В этих движениях, в этой тщательной заботе о смертоносном металле была своя, особая чувственность – чувственность воина, для которого оружие стало продолжением собственной воли, залогом выживания. Время от времени она бросала

короткий, оценивающий взгляд на играющих мужчин, и легкая, едва заметная усмешка трогала ее губы.

Из открытой двери штабного вагона доносился размеренный, чуть монотонный голос Фурманова. Дмитрий Андреевич, комиссар дивизии, человек несгибаемых принципов и беззаветной веры в идеалы революции, даже в этом проклятом мире находил время для идеологической работы. В руках он держал пожелтевший, потрепанный лист газеты – чудом уцелевшую "Красноармейскую правду" трехлетней давности.

– …И посему, товарищи бойцы, – торжественно, словно с трибуны, вещал Фурманов, игнорируя ветер, шелестевший страницами, – вопрос борьбы с самогоноварением в рядах нашей доблестной Чапаевской дивизии приобретает особую остроту! Распространение этого пагубного зелья не только подрывает воинскую дисциплину и боеспособность, но и наносит непоправимый вред моральному облику красного воина, строителя нового общества! Каждый выявленный случай самогоноварения должен быть беспощадно пресечен, а виновные – понести суровое наказание по всей строгости революционного закона! Мы должны помнить, товарищи, что трезвость ума и ясность мысли – такое же наше оружие, как винтовка и пулемет…

Петька, услышав знакомые пассажи, невольно хихикнул, но тут же поймал строгий взгляд Чапаева и виновато уткнулся в шашечную доску.

– Вот оно как, Василий Иваныч, – пробормотал он, двигая шашку наугад.

– Самогон – враг. А эти… которые бродят… они, значит, друзья?

Чапаев тяжело вздохнул, потер переносицу.

– Фурманов – человек идейный, Петька. Ему положено. А ты думай, куда шашку ставишь. Против мертвяков самогон не поможет. Тут другое зелье нужно. Покрепче. – Он обвел взглядом пустынный горизонт, где уже начинало дрожать марево. – Злоба, Петька. Да воля к жизни. Вот наше главное оружие. И патронов побольше. Да, Анка?

Анка, закончив чистку, с лязгом собрала пулемет. В ее руках он выглядел грозно и органично.

– Патроны есть, Василий Иваныч, – ее голос был спокоен и глубок. – И злости хватит. На всех. – Она провела ладонью по холодному стволу, и в этом простом жесте было больше решимости, чем во всех пламенных речах Фурманова.

Утро на полустанке "Багряный закат" вступало в свои права. Впереди был еще один долгий, опасный день в мире, где победа измерялась не взятыми городами, а каждым новым рассветом, встреченным живыми. И бронепоезд, названный в ее честь, был готов снова двинуться в путь, сквозь степи, кишащие тенями прошлого и ужасами настоящего.

Фурманов как раз дошел до пассажа о том, что "каждый красный командир должен личным примером демонстрировать трезвость и моральную устойчивость", как Петька, до этого безуспешно пытавшийся выстроить хитроумную "дамку" из двух шашек, вдруг замер, вскинув голову. Его уши, привыкшие улавливать малейший подозрительный шорох в степной тишине, напряглись.

– Василий Иваныч… – начал он неуверенно, прищурившись в сторону дрожащего марева на горизонте. – Пыль… Гляньте-ка.

Чапаев оторвался от ящика, проследил за его взглядом. Далеко, там, где небо сливалось с выжженной землей, действительно поднималось бурое облачко, стремительно приближаясь. Оно было не таким высоким и плотным, как от кавалерийского разъезда, но двигалось с пугающей быстротой.

– Не кони, – коротко бросил Чапаев, его лицо мгновенно посуровело, сбрасывая налет утренней расслабленности. В его глазах, еще недавно изучавших шашечные комбинации, вспыхнул холодный огонь вожака, почуявшего смертельную опасность. – Тревога! – рявкнул он так, что голос его, казалось, заставил дрогнуть стальную обшивку бронепоезда. – По местам! Анка, тварей встречай!

Словно по волшебству, мирная сцена рассыпалась. Анка, мгновенно сбросив с себя показное спокойствие, уже была у своего "Льюиса", установленного на треноге у края платформы. Ее движения были отточены до автоматизма: щелчок встающего на место диска с патронами, лязг передернутого затвора. Лицо ее стало сосредоточенным и жестким, в серых глазах не осталось и тени утренней задумчивости – лишь стальная решимость.

Петька, подскочив, схватил свою верную трехлинейку, прислоненную к стене вагона. На мгновение его лицо исказил страх – слишком хорошо он помнил эти безглазые, вечно голодные морды, их нечеловеческую быстроту и силу. Но тут же он поймал взгляд Анки, которая, не оборачиваясь, уверенно проверяла прицел. Желание не ударить в грязь лицом перед ней, показать свою удаль, пересилило первобытный ужас. Он лихорадочно проверил затвор, припал к прикладу, стараясь унять дрожь в руках.

– Сейчас я им покажу, паразитам! – пробормотал он себе под нос, больше для храбрости.

Фурманов, отбросив газету, которая тут же подхватил и закружил степной ветер, выхватил из кобуры свой Наган. Лицо его было бледным, но решительным.

– Контрреволюционная нечисть! Отродье империализма! – провозгласил он, скорее для себя, чем для окружающих, занимая позицию у двери штабного вагона, готовый огрызаться огнем в случае прорыва. В его глазах горел фанатичный огонь борца, для которого эти твари были еще одним, самым омерзительным проявлением враждебного мира.

Пыльное облако приблизилось с ужасающей скоростью, распадаясь на отдельные, суетливо бегущие фигуры. Это была небольшая, но яростная орда – может, три-четыре десятка ходячих упырей. Они неслись вперед с той самой противоестественной резвостью, которую приобрели после последней мутации вируса, их нескладные движения были полны голодной, слепой ярости. Оборванная одежда хлопала на иссохших телах, из разинутых ртов вырывалось утробное, хриплое рычание.

– Огонь! – скомандовал Чапаев, когда первая волна тварей оказалась на расстоянии уверенного выстрела.

Первой заговорила Анка. Ее "Льюис" забился в руках, выплевывая короткие, точные очереди. Тяжелые пули с отвратительным звуком впивались в набегающие тела, отбрасывая их назад, разрывая гниющую плоть. Анка стреляла не спеша, экономя патроны, но каждый ее выстрел находил цель. На ее лице не было ни страха, ни ненависти – лишь холодная, сосредоточенная работа, смертоносный танец умелого воина. Несколько упырей, бежавших в авангарде, споткнулись и рухнули, разметав конечности.

Петька, вдохновленный ее хладнокровием, тоже открыл огонь. Первые несколько выстрелов прошли мимо – руки все еще подрагивали, а сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот выскочит из груди. Но потом он взял себя в руки, вспомнил чапаевские уроки стрельбы.

– Спокойно, Петька, спокойно… Целься в башку, аль в грудину… – Он поймал в прицел ковыляющую тварь, задержал дыхание и плавно нажал на спуск. Упырь дернулся и неуклюже завалился набок. – Есть! – вырвалось у Петьки. Он тут же передернул затвор и выстрелил снова, на этот раз удачнее. Он стрелял азартно, нет-нет да и поглядывая на Анку, словно ожидая ее одобрения.

– Видала, Анка?! Я тоже не промах! – хотелось крикнуть ему, но крик застревал в горле, смешиваясь с грохотом выстрелов.

Несмотря на плотный огонь, несколько самых быстрых и настырных упырей прорвались сквозь свинцовый заслон и уже карабкались на невысокую насыпь, ведущую к платформе. Их когтистые руки скребли по металлу, пустые глазницы были устремлены на живую плоть.

– А ну, получай, нечисть! – Чапаев, до этого внимательно следивший за боем и раздававший короткие команды, выхватил из ножен свою знаменитую шашку. Клинок молнией сверкнул в утреннем солнце. С яростным криком: "Вот вам, паразиты, мировая революция!" – он бросился навстречу прорвавшимся тварям.

Его бурка взметнулась за спиной, как крылья черного ангела мщения. Первый упырь, уже занесший когтистую лапу над краем платформы, получил страшный удар поперек туловища – шашка рассекла его почти надвое. Второй, пытавшийся обойти Чапаева сбоку, лишился головы, которая с глухим стуком откатилась по доскам. Василий Иванович рубил сплеча, с той яростью и отчаянием, с какой бился и в Гражданскую. Каждый его удар был смертелен, каждый выкрик – полон несломленного духа. Это был не просто бой – это был танец смерти, в котором комдив вкладывал всю свою ненависть к этим тварям, отнявшим у него страну, товарищей, будущее.

Фурманов, видя, что враг подобрался вплотную, тоже открыл огонь из своего Нагана. Он стрелял реже, но целился тщательно, стараясь поддержать Чапаева.

– Смерть выродкам! Не пройдете, гады! – выкрикивал он, и в его голосе слышалась не только ненависть, но и отчаяние человека, видящего, как рушатся все его идеалы перед лицом этой слепой, безмозглой силы.

Бой был коротким, но неистовым. Минут через пять-семь все было кончено. Последний упырь, сраженный меткой Петькиной пулей в голову, рухнул у самых ног Чапаева. Комдив, тяжело дыша, опустил дымящуюся шашку. Его лицо было перепачкано чем-то темным, бурка изорвана в нескольких местах.

Наступила оглушительная тишина, нарушаемая лишь потрескиванием остывающего ствола "Льюиса" да прерывистым дыханием бойцов. Воздух наполнился едким запахом пороха и тошнотворной вонью разлагающейся плоти, теперь уже свежей. Вокруг платформы и на склоне насыпи валялись неподвижные, изуродованные тела упырей. "Багряный закат" оправдал свое название, окрасив землю под бронепоездом в новые, зловещие тона.

Тишина, наступившая после короткой, яростной схватки, давила на уши. Запах пороха смешивался с отвратительным смрадом, исходящим от растерзанных тел упырей, валявшихся вокруг бронепоезда, словно жуткие трофеи. Петька, все еще возбужденный боем и гордый своими меткими выстрелами, украдкой поглядывал на Анку, которая, не говоря ни слова, методично перезаряжала диски к своему "Льюису". Ее лицо было спокойным, но в глубине серых глаз застыла ледяная сосредоточенность. Чапаев, вытирая шашку о край бурки, оглядывал поле недавней битвы. Морщины на его лбу залегли глубже. Даже такая маленькая победа в этом мире давалась дорогой ценой – ценой патронов, нервов и постоянно висящей над ними угрозы.

Фурманов, поправив съехавшую набок фуражку, подошел к краю платформы. – Вот она, звериная сущность контрреволюции, доведенная до своего логического конца, – проговорил он, глядя на неподвижные тела. – Слепая, бездумная жажда разрушения. Наша задача – не только выжить, но и сохранить в себе человека, товарищи, не уподобиться им.

В этот момент из радиорубки, располагавшейся в одном из передних вагонов, высунулся бледный, взъерошенный радист – молодой парень по фамилии Синицын, еще до войны мечтавший о небе и самолетах, а теперь вслушивающийся в треск эфира, ловящий обрывки сигналов из умирающего мира.

– Товарищ командир! Товарищ комиссар! – его голос дрожал от волнения и плохо скрываемого страха. – Срочная шифровка! Из Самары! Высшей важности!

Он протянул Чапаеву листок бумаги, исписанный неровными карандашными строчками.

Чапаев взял листок, его взгляд быстро пробежал по коротким, рубленым фразам шифровки. Петька и Анка подошли ближе, Фурманов заглядывал комдиву через плечо. По мере чтения лицо Василия Ивановича становилось все более каменным. Только желваки, заходившие под загорелой кожей, выдавали внутреннее напряжение.

– Ну, что там, Василий Иваныч? – не выдержал Петька, видя, как мрачнеет его командир.

Чапаев медленно поднял голову. Его глаза, обычно горевшие то насмешливым огоньком, то яростью боя, сейчас были темными, как заволжская ночь.

– Москва… – глухо произнес он. Голос, только что гремевший над полем боя, теперь звучал приглушенно, словно из-под земли. – Москва в кольце. Орда… гигантская. Пишут, такой еще не было. Кремль держится, но… ситуация критическая.

Он сделал паузу, обводя тяжелым взглядом своих бойцов. Анка застыла, ее рука, сжимавшая запасной диск, побелела. На лице Петьки застыло выражение недоумения, сменившееся ужасом. Фурманов выпрямился, словно аршин проглотил, его губы сжались в тонкую, решительную линию.

– Наша дивизия, – Чапаев снова посмотрел в листок, словно, не веря собственным глазам, – "Бронепоезд "Победа"… Оказывается, мы сейчас – ближайшее к Москве боеспособное соединение. Из тех, кто еще на ходу и может драться. – Он усмехнулся, но усмешка вышла кривой и горькой. – Вот так, Петька. Довоевались. Герои последней надежды, мать их…

– И что… что приказывают? – тихо спросила Анка, ее голос был ровным, но в нем слышались стальные нотки. Она уже поняла, к чему идет дело.

– Приказ, – Чапаев скомкал листок в кулаке так, что хрустнула бумага. – Прост, как солдатская пайка. Прорываться к столице. Любой ценой. Оказать содействие обороняющимся. Попытаться деблокировать город. – Он обвел взглядом горизонт, туда, на запад, где за тысячей пятьюстами верст гибла Москва. – Любой ценой, значит… головой об стену.

Наступила тишина, еще более тяжелая, чем после боя. Каждый осмысливал услышанное. Москва… Сердце страны, даже такой, изувеченной и растерзанной. И они, горстка людей на стальном острове посреди океана смерти, должны были броситься в самое пекло, в пасть орды, которую даже командование называло "гигантской".

Петька сглотнул. Первоначальный испуг сковал его, но он тут же отогнал его. Его обычный оптимизм отчаянно боролся с реальностью, ища хоть какую-то опору. Он метнул быстрый взгляд на Анку, словно ища поддержки и в ее глазах.

Анка медленно кивнула.

– Патронов хватит, – сказала она коротко, но веско. Ее чувственность сейчас проявлялась не в слезах или отчаянии, а в глубокой, почти материнской ярости по отношению к тем, кто посмел посягнуть на самое сердце их земли, и в немом сострадании к тем, кто сейчас умирал в осажденной столице. Она провела рукой по холодному стволу "Льюиса". – Только бы паровоз выдержал. И рельсы.

Фурманов шагнул вперед. Его лицо было бледным, но глаза горели фанатичным огнем.

– Это наш священный долг, товарищи! – его голос зазвучал с той силой, с какой он читал передовицы. – Москва – это не просто город! Это колыбель революции, это символ нашей борьбы! Если падет Москва, падет и надежда! Мы не можем, мы не имеем права отступить! Мы должны показать этим… этим исчадиям ада, что дух пролетариата не сломлен! Вперед, на защиту революционной столицы! Даже если нам придется погибнуть, мы погибнем как герои, выполнив свой долг до конца! – Его самоотверженность была почти пугающей в своей искренности.

Чапаев слушал их, его лицо оставалось непроницаемым. Он видел страх Петьки, стальную решимость Анки, идейный пыл Фурманова. Он, как тактик, прекрасно понимал, что приказ равносилен самоубийству. Прорваться через гигантскую орду на одном бронепоезде – задача практически невыполнимая. Но он был вожаком, и его люди смотрели на него. Сдаться, отступить, ослушаться приказа – это было не в его характере.

– Значит, так, – его голос снова обрел твердость и силу. – Раз приказ – будем выполнять. Радист, передай в Самару: "Приказ получен. Выдвигаемся на Москву. Победа будет за нами, или смерть!" Машинисту – полный пар! Готовить состав к походу! Всем пополнить боезапас, проверить оружие. Кормить людей и коней – если остались. Нам предстоит долгая и, скорее всего, последняя дорога.

Он нахлобучил папаху на самые глаза.

– А теперь, Петька, забудь про шашки. Начинается игра по-крупному. И ставки в ней – наши жизни и… то, что осталось от России.

Он посмотрел на запад, где за горизонтом лежала обреченная Москва. В его глазах не было страха, лишь суровая, несгибаемая решимость человека, идущего навстречу своей судьбе. Бронепоезд "Победа" готовился к своему самому отчаянному рейду.

Глава 2

Уголь, вода и красный командир

Бронепоезд "Победа", тяжело дыша паром после недавнего боя и короткой, яростной встряски, замер на путях полустанка. Солнце поднималось все выше, обещая жаркий, изнурительный день. В штабном вагоне, пропахшем махоркой, порохом и карболкой, собрался военный совет. За столом, заваленным картами, сводками и пустыми гильзами, которые Петька машинально собирал в кучку, сидел Чапаев. Его лицо, обычно подвижное и выразительное, сейчас было сосредоточенным и строгим. Рядом с ним, подперев голову кулаком, сидел Петька. Анка, прислонившись к стене у входа, молча чистила наган – ее "Льюис" уже был приведен в идеальный порядок. Фурманов, как всегда подтянутый, несмотря на походные условия, стоял у окна, нервно теребя ремешок полевой сумки.

В углу, на видавшем виды ящике из-под снарядов, примостился Михаил Кузьмич, главный машинист "Победы". Это был пожилой, кряжистый мужчина с обветренным лицом и руками, навечно въевшимися в угольную пыль и мазут. Он был сердцем и душой паровоза, его глазами и ушами на стальных путях. Сейчас он задумчиво крутил в пальцах промасленную тряпку, слушая доклады.

– Значит, Москва, – Чапаев постучал костяшками пальцев по разложенной карте, где красным карандашом был грубо обведен столичный регион. – Приказ ясен, как слеза комсомолки: прорваться. Кузьмич, твое слово. Сколько нам пилить до этой самой Москвы, и допилим ли вообще?

Кузьмич прокашлялся, его голос был хриплым, как паровозный гудок в тумане.

– До Москвы, Василий Иваныч, почитай, полторы тыщи верст будет, если по прямой. А прямых путей там, поди, и не осталось. Дорога – дрянь. Шпалы гнилые, рельсы где поведены, где и вовсе разобраны мародерами аль этими… ходячими… для своих нужд, не иначе. – Он покачал головой. – Поезд наш, "Победа", машина знатная, броня крепкая, орудия – дай бог каждому. Но не жеребец степной. Тяжелый он. Если по-хорошему, по ровному, километров пятьдесят, ну, пятьдесят пять в час выжать можно. Это если кочегары не сачкуют и уголек что надо. А так, по нынешним временам… – Он развел руками. – Средняя скорость, дай бог, километров двадцать, от силы двадцать пять в час выйдет. Это если без долгих остановок на ремонт пути, без разведки каждой балки. А разведка нужна, иначе влетим куда не надо.

Он замолчал, обдумывая.

– Угля жрать будет – немеряно. Если активно топать, по десять-пятнадцать тонн в сутки как с куста. А то и все двадцать, если придется маневрировать да отбиваться часто. Запасы у нас есть, но не бесконечные. Вода тоже… Станции водокачки многие разрушены или заражены. – Кузьмич посмотрел на Чапаева прямым, усталым взглядом. – Доехать, Василий Иваныч, можно. Если повезет. Если твари эти не сожрут рельсы перед самым носом или не устроят завал такой, что и танком не прошибешь. Но быстро не будет. И легко – тоже.

Петька, слушавший машиниста с открытым ртом, нервно заерзал.

– Василий Иваныч, да их там, поди, тьма-тьмущая! В шифровке ж сказано – орда гигантская! А нас тут… – Он обвел взглядом вагон, словно пересчитывая присутствующих. – Ну, сотня штыков наберется, да экипаж бронепоезда еще столько же. Двести человек против… против тысяч, а то и десятков тысяч этих гадов? Это ж… это ж как комару слона валить! – В его голосе, обычно полном задора, сейчас отчетливо слышались сомнение и страх. Он не трусил, нет, но здравый смысл подсказывал ему, что шансы их ничтожны.

Анка, до этого молчавшая, коротко кивнула, соглашаясь с оценкой Кузьмича и опасениями Петьки. Ее лицо оставалось бесстрастным, но в напряженно сжатых губах и твердом взгляде серых глаз читалась готовность к бою, к любому исходу. Она не сомневалась в приказе,

не обсуждала его – она готовилась его выполнять. Ее чувственность сейчас была сродни натянутой тетиве – готовая в любой момент выпустить смертоносную стрелу.

Фурманов, услышав пессимистичные нотки в речах Петьки и Кузьмича, шагнул к столу. Его глаза горели знакомым идейным огнем.

– Товарищи! О чем вы говорите?! – его голос звенел от праведного негодования. – Сомнения? Страх? Да, враг силен! Да, их много! Но разве это повод опускать руки и сдаваться на милость кровожадных чудовищ, порожденных разложением старого мира? Москва – это сердце нашей Родины, колыбель Великой Октябрьской Социалистической Революции! Там, в осажденном Кремле, еще бьется пламя надежды! И наш долг, наш священный долг перед павшими героями, перед мировым пролетариатом, даже если большая его часть превратилась в безмозглых пожирателей плоти, – прорваться и помочь!

Он ударил кулаком по столу так, что подпрыгнули гильзы.

– Каждый из нас – боец Красной Армии! Каждый из нас несет ответственность за судьбу революции! И если нам суждено погибнуть в этом походе, мы погибнем с честью, зная, что сделали все возможное! Наш бронепоезд не зря носит имя "Победа"! Мы должны доказать, что это имя – не пустой звук! Вперед, на выручку Москве, товарищи! За мировую революцию, даже если придется строить ее на костях!

Чапаев слушал всех, не перебивая. Отчасти он был согласен с Петькой, положение было шатким, скорее всего под Москвой и вправду целая армия мертвецов. Но он был Чапаевым. Слово "невозможно" для него не существовало, если на кону стояло дело, которое он считал правым.

Он резко поднялся, обвел всех тяжелым, пронзительным взглядом.

– Хватит сопли жевать! – рявкнул он так, что Петька вздрогнул. – Приказ есть приказ. Москва ждет. Да, их там тьма. Да, путь – говно. Да, можем все там костьми лечь. – Он усмехнулся своей знаменитой чапаевской усмешкой, в которой не было и тени страха, только злая решимость. – А мы что, впервые в пекло лезем? Не таких гадов били! И этих побьем, если зубы не обломаем!

Он посмотрел на Петьку:

– А ты, Исаев, не дрейфь! Сотня чапаевцев стоит тысячи этих ходячих мертвяков, если каждый будет бить без промаха и спиной друг друга чуять!

Он кивнул Анке:

– Готовь своих орлов, Анка. Работы будет много.

Потом повернулся к Фурманову:

– А ты, комиссар, речи говорить будешь, когда пробьемся. А пока – патроны подавай да дух бойцам крепи. Делом, а не только словом.

И, наконец, Кузьмичу:

– Давай, Кузьмич, выжимай из своей железяки все соки. Нам нужно чудо. А чудеса, как известно, делаются руками.

Чапаев снова стукнул кулаком по карте, но уже не с сомнением, а с утверждением.

– Прорвемся! По машинам! Готовить "Победу" к броску на Москву! Пусть знают, гады, что Чапай еще жив и шутить не любит!

В его голосе звучала такая несокрушимая уверенность, такая воля, что даже самые отчаянные скептики почувствовали, как в них зарождается искра надежды. Это был Чапаев – лидер, способный повести за собой на верную смерть, и за которым шли, веря в его звезду и в свое правое дело.

Загудел паровоз, и бронепоезд "Победа", тяжело вздохнув, тронулся с места, медленно набирая ход. В купе Чапаева, которое служило ему и штабом, и спальней, и столовой, стоял густой аромат дешевого грузинского чая и махорки. Василий Иванович, в расстегнутой на груди гимнастерке, сосредоточенно выстраивал костяшки домино на складном столике. Напро-

тив него сидел Петька, потягивая обжигающий чай из граненого стакана в металлическом подстаканнике и с неподдельным интересом следя за действиями командира.

– Вот смотри, Исаев, – Чапаев ткнул пальцем в одну из костяшек. – Дуплет поставил. Теперь твой ход должен быть либо с этой цифрой, либо с этой. Понял? Тут не просто кости кидать, тут думать надо. Стратегия, Петька, она и в домино стратегия. Как на войне – предугадать ход противника, свой маневр рассчитать.

Петька кивнул, сдвинул брови, пытаясь вникнуть, но мысли его, казалось, витали где-то далеко. Он рассеянно поставил свою костяшку, и Чапаев тут же накрыл ее своей, с победным кряканьем.

– Эх, Петька, Петька! Опять прозевал! 'Рыба' тебе, а не победа.

Они помолчали, глядя в окно, за которым медленно проплывали бескрайние, по большей части пустынные и одичавшие, просторы России. Где-то виднелись остовы сгоревших деревень, где-то – заброшенные поля, поросшие бурьяном. Мрачная картина, но даже в ней была какая-то суровая, первозданная красота.

Петька вздохнул, отставил стакан и, помявшись, начал:

– Василий Иваныч… Тут дело такое… деликатное, можно сказать.

Чапаев оторвался от созерцания пейзажа, смерил Петьку испытующим взглядом.

– Ну, выкладывай, Исаев. Что за деликатность у тебя приключилась? Опять патроны не той системы подвезли?

– Да нет, Василий Иваныч, не про патроны, – Петька покраснел, что с ним случалось нечасто. – Тут… про Анку.

– Про Анку? – Чапаев чуть приподнял бровь. – Что с Анкой? Заболела? Или пулемет опять заклинило?

– Да нет, здорова она, и пулемет ее, как часы швейцарские, работает, – Петька еще больше смутился. – Нравится она мне, Василий Иваныч. Очень. Прям вот… сил нет, как нравится. А как к ней подступиться, ума не приложу. Она ж… она ж как кремень. Строгая, боевая. Боюсь, пошлет меня куда подальше, если я ляпну чего не то.

Чапаев усмехнулся в усы, но тут же стал серьезен. Он отложил костяшки домино.

– Так. Анка, значит. Девка она, Исаев, и впрямь стоящая. Боевая – это да. Характер – сталь. Но и сердце у нее, поди, не каменное. Ты ж ее не первый день знаешь.

– Вот именно, Василий Иваныч! Знаю, и оттого еще страшнее. Она ж меня видит насквозь, поди. Что я простой ординарец, хоть и стараюсь… А она – пулеметчица знатная, герой, можно сказать. – Петька с надеждой посмотрел на командира. – Вы ж, Василий Иваныч, человек опытный, мудрый. Как бы мне… ну… подход найти?

Чапаев почесал подбородок, задумался.

– Тут, Петька, хитрости особой нет. И нахрапом брать нельзя – она не из тех, кто на дешевую лесть падкий. Ты будь самим собой. Смекалка у тебя есть – вот ее и применяй. Не в бою, так в обхождении. – Он сделал паузу, подбирая слова. – Главное – уважение. Чтобы видела, что ты ее не просто как бабу смазливую воспринимаешь, а как товарища, как бойца. Помоги где делом, не навязываясь. Слово доброе скажи, когда к месту. Она ж не слепая, видит, кто к ней как относится. Искренность, Петька, вот что бабы ценят. Особенно такие, как Анка. Да и вообще, любая нормальная баба.

Он отхлебнул чаю.

– А то, что ты ординарец, а она пулеметчица – это все чепуха. На войне все равны перед пулей. Да и в мирной жизни, если доживем, не чинами любовь меряется.

– Думаете, Василий Иваныч, есть у меня шанс? – с робкой надеждой спросил Петька. – Ведь война кругом, смерть, грязь… не до любви вроде как.

Чапаев посмотрел в окно, на пролетающий мимо полустанок, где ветер трепал оборванный красный флаг.

– Эх, Петька… Любовь, она такая штука… хитрая. – Он снова повернулся к ординарцу. – Ты думаешь, если война, так и сердце должно замереть? Ничего подобного. Наоборот, острее все чувствуется. Жизнь коротка, особенно сейчас. И хочется тепла, хочется… чтобы кто-то был рядом. – Он вздохнул, и в его глазах на миг промелькнула какая-то застарелая тоска. – Любовь имеет свойство цвести даже сквозь пламя войны, Петька. Как трава сквозь асфальт пробивается, так и она. И это, брат, дело верное. Это значит, что мы еще живые, что не превратились в таких же бездушных тварей, как те, что за окном бродят.

Петька слушал, затаив дыхание. Потом восхищенно выдохнул:

– Вот это вы, Василий Иваныч, хорошо сказали! Про цветение сквозь пламя… Заумно, конечно, малость, но ведь в самую точку! Прямо как в книжке какой! – Его глаза снова заблестели привычным оптимизмом. – Значит, буду пробовать! Осторожно, с уважением, как вы и велели!

– Только без дурости, Исаев, – Чапаев снова взял костяшку домино. – Сказал – делай. А теперь давай, твой ход. И смотри в оба, а то опять "рыбу" схлопочешь. В любви, может, ты и преуспеешь, а вот в домино тебе еще учиться и учиться.

Петька рассмеялся, и напряжение последних дней, казалось, немного отпустило его. Впереди была Москва, неизвестность и смертельная опасность, но сейчас, в этом пропахшем чаем купе, рядом с Чапаевым, под стук колес "Победы", на миг показалось, что не все еще потеряно. И что даже в этом аду есть место для чего-то простого, человеческого. Например, для игры в домино. Или для любви.

Стук колес замедлился, перешел в мерное покачивание, и наконец, бронепоезд "Победа" с протяжным шипением пара замер у перрона небольшой, на первый взгляд совершенно вымершей станции. Название, полустертое временем и непогодой, еще можно было разобрать на покосившейся табличке – "Тихая Заводь". Ирония судьбы – тишиной здесь и не пахло, вернее, это была гнетущая, мертвая тишина, от которой становилось не по себе. Разбитые окна вокзального здания, словно пустые глазницы, смотрели на прибывших. Кое-где виднелись следы давних пожаров и свежие, тревожные отметины когтей на деревянных стенах.

– Стоп машина! – скомандовал Чапаев, спрыгивая с подножки штабного вагона. – Кузьмич, как у нас с запасами?

Главный машинист, вытирая пот со лба промасленной ветошью, подошел к командиру.

– Угля, Василий Иваныч, еще на пару перегонов хватит, если без особых фортелей. А вот водичка на исходе. Котлы пить просят. Да и людям пополнить фляги не мешало бы. Станция эта, видать, с водокачкой была. Может, повезет.

– Добро, – кивнул Чапаев. Его взгляд прагматично оценивал обстановку. Станция была небольшая, но депо, водонапорная башня и угольные склады, пусть и полуразрушенные, давали надежду. – Петька!

– Я здесь, Василий Иваныч! – Исаев мигом оказался рядом, глаза его горели любопытством и готовностью.

– Бери с собой пяток бойцов понадежнее. И Аньку с ее 'Льюисом' для огневой поддержки. Осмотрите станцию, депо, водокачку. Живо, но осторожно, как по минному полю. Кругом глядеть, уши на макушке! Доложить через полчаса. Остальным – усилить посты, боевая готовность, сектора обстрела наметить! Не хватало нам еще сюрпризов.

– Есть, Василий Иваныч! – Петька козырнул и, подхватив винтовку, кинулся выполнять приказ. Анка, молча кивнув, проверила ленту своего пулемета и последовала за ним, ее движения были привычно точны и экономны.

Фурманов, стоявший рядом, озабоченно произнес:

– Место выглядит заброшенным, Василий Иванович. Но расслабляться нельзя. Враг может таиться где угодно.

– То-то и оно, комиссар, – согласился Чапаев, закуривая папиросу. – Чутье мне подсказывает, что не все тут так просто.

Разведывательная группа двигалась осторожно, перебегая от одного укрытия к другому. Петька шел впереди, внимательно осматривая каждый угол, каждую тень. Анка с двумя бойцами прикрывала их с флангов, ее "Льюис" был всегда наготове. Станция действительно казалась мертвой. Тишину нарушал лишь скрип ржавого флюгера на крыше водокачки да шорох их собственных шагов по засыпанному мусором перрону.

– Гляди-ка, Петь, – шепнул один из бойцов, указывая на дверь депо. – Замок вроде как не ржавый совсем. И следы тут… будто кто-то волок что-то.

Петька присмотрелся. Действительно, на пыльной земле виднелись нечеткие отпечатки и полоса, словно тащили мешок. Он знаком приказал остальным занять позиции. Анка установила пулемет, направив его на массивные ворота депо.

– Эй, есть кто живой? – негромко, но отчетливо крикнул Петька.

Тишина.

– Мы от Чапаева! Красные! Не бойтесь! – добавил он, стараясь придать голосу уверенности и дружелюбия.

Снова молчание, но Петьке показалось, что за дверью что-то скрипнуло. Он подождал еще немного, потом решительно толкнул плечом одну из створок. Та поддалась с натужным стоном.

Внутри депо царил полумрак и стоял тяжелый запах сырости, машинного масла и чего-то еще, неуловимо тревожного. Огромные, темные силуэты паровозов-призраков застыли на рельсах.

– Осторожно, – прошептала Анка, входя следом. Ее взгляд быстро обежал помещение.

И тут из-под старого, опрокинутого тендера, из темной ямы, донесся испуганный шепот:

– Не стреляйте… Мы свои… железнодорожники мы…

Петька замер, потом медленно опустил винтовку.

– Вылезайте, не бойтесь! Мы не тронем!

Из подвала, щурясь от неожиданного света из приоткрытых ворот, один за другим стали выбираться люди. Их было человек семь-восемь – изможденные, грязные, в рваной железнодорожной форме. Старик с седой бородой, несколько мужчин помоложе и совсем еще мальчишка, лет пятнадцати, с испуганными глазами.

– Слава богу… живые… – пробормотал старик, крестясь. – Мы уж думали, конец нам пришел. Эти твари тут шастали… еле схоронились.

Через четверть часа Петька, сияя от гордости за свою находку, докладывал Чапаеву:

– Василий Иваныч! Там это… люди! В депо, в подвале прятались! Железнодорожники! Говорят, станцию эти… ну, ходячие… недавно обходили, но не нашли их. Голодные, напуганные, но живые! Говорят, уголь есть немного, и водокачка вроде цела, только насос запустить надо!

Чапаев внимательно выслушал.

– Железнодорожники, говоришь? Это дело. Тащи их сюда, старшего по крайней мере. Поговорить надо.

Вскоре перед Чапаевым, Фурмановым и Анкой (которая вернулась с Петькой, оставив бойцов охранять периметр депо) стоял тот самый седобородый старик, назвавшийся Степаном Матвеевичем, бывшим главным инженером станции. Он все еще дрожал, но держался с достоинством.

– Здравствуйте, товарищ командир, – начал он, поглядывая на грозного Чапаева с опаской и надеждой. – Спасибо, что не порешили сгоряча. Мы тут уж и не чаяли помощи.

– Чапаев моя фамилия, – представился Василий Иванович. – Вижу, несладко вам тут пришлось. Рассказывай, Матвеич, что да как. Уголь, вода – это главное. Пути дальше на Москву целы?

Степан Матвеевич вздохнул.

– Уголь есть, товарищ командир. Не то чтобы много, но на ваш бронепоезд, думаю, хватит на хороший переход. Вон, на складах еще осталось, мы припрятали, когда все началось. И водокачка цела, насос паровой, только пар подать надо, да растопить котелок. Мы б и сами, да боялись нос высунуть. Эти… твари… они на шум идут. – Он поежился. – Пути… До следующей крупной узловой, до Раздольной, вроде как целы были недели две назад. Мужики наши оттуда весточку приносили, пока… пока их не сожрали. А что дальше – бог весть.

Фурманов, слушавший с напряженным вниманием, шагнул вперед.

– Товарищи железнодорожники! Вы – живые свидетели и жертвы этого ужасного катаклизма, порожденного агонией старого мира! Но знайте, Красная Армия, ее славный командир Чапаев и его несокрушимый бронепоезд "Победа" несут надежду и возмездие! Ваше спасение – это еще одно доказательство того, что дух трудового народа не сломлен! – Его голос набирал силу. – Мы идем на Москву, на выручку сердцу нашей Родины! И вы, товарищи, можете помочь нам в этом святом деле! Ваши знания, ваши умелые руки сейчас нужны как никогда!

Старик посмотрел на Фурманова с некоторым недоумением, но потом перевел взгляд на Чапаева, в котором видел более понятную ему силу и прагматизм.

Чапаев кивнул.

– Комиссар дело говорит, хоть и витиевато. Нам нужны уголь и вода. И люди, знающие дорогу, тоже пригодятся. Поможете нам заправить поезд, покажете, где что – а мы вас с собой возьмем. До Москвы, конечно, не обещаю прогулку, но отсюда вырваться шанс будет. Как, согласны?

Петька, стоявший чуть поодаль, с сочувствием смотрел на измученных железнодорожников и с надеждой – на Чапаева. Спасти людей – это всегда было ему по душе. Анка молча наблюдала, ее взгляд был цепким, оценивающим, но в нем уже не было той первоначальной настороженности. Эти люди были сломлены, но не опасны. Скорее, они были еще одним напоминанием о хрупкости жизни в этом рухнувшем мире, и ее чувственное сердце не могло не отозваться на их беду тихой болью.

Степан Матвеевич переглянулся со своими товарищами, которые подошли ближе, и после недолгого совещания, вернулся к Чапаеву.

– Мы согласны, товарищ командир. Чем сможем – поможем. Нам терять уже нечего, а с вами… с вами хоть какая-то надежда.

– Вот и славно, – заключил Чапаев. – Тогда за дело! Петька, организуй бойцов помочь этим людям с углем и водой. Кузьмич, с тобой на водокачку, надо насос запускать. А вы, Матвеич, показывайте, что у вас тут и как. Время не ждет. "Победа" должна быть готова к маршу через два часа.

Деловая суета охватила замершую станцию. Надежда, тоненьким ручейком, начинала пробиваться сквозь отчаяние "Тихой Заводи".

Однако не все из спасенных горели желанием немедленно бросаться на помощь своим спасителям. Степан Матвеевич, хоть и согласился сотрудничать, явно действовал под давлением обстоятельств и более решительных товарищей. Но был среди железнодорожников еще один – начальник станции, некто Евлампий Кузьмич Пыжов, мужчина тщедушного вида, с бегающими глазками и руками, которые он то и дело заламывал. Когда Чапаев отдал распоряжения, и бойцы с частью железнодорожников направились к угольным складам и водокачке, Пыжов вдруг заартачился.

– Не пойду! Никуда я не пойду! – заканючил он, когда Петька подошел к нему, чтобы уточнить расположение ключей от какого-то подсобного помещения. – Там же… там же они!

Упыри эти! Шум привлечет! Они вернутся! Нас всех сожрут! – Он вцепился в свой потертый пиджак, словно пытаясь спрятаться в нем.

Петька сначала растерялся от такой откровенной трусости. Он посмотрел на Аньку, которая смерила Пыжова презрительным взглядом, но промолчала, продолжая следить за окрестностями. Чапаев, услышав причитания, нахмурился, но вмешиваться не стал, лишь махнул Петьке рукой – мол, разбирайся сам.

– Да тише ты, гражданин начальник! – попытался успокоить его Петька, стараясь говорить миролюбиво. – Мы ж с оружием, нас много. Не сунутся они. А уголь нам позарез нужен, и вода. Без этого – кранты. И вам тут сидеть безвылазно – тоже не сахар, поди?

– Лучше тут, в тишине, чем там, в пасти у них! – не унимался Пыжов, его голос срывался на визг. – У меня сердце слабое! Я человек нервный!

Петька вздохнул. Уговоры не действовали. И тут его взгляд упал на массивные серебряные часы на цепочке, выглядывавшие из жилетного кармана Пыжова. Часы явно были старинные, добротные. В голове у Петьки что-то щелкнуло. Он вспомнил, как в одной карточной игре, которой его научил старый сапожник еще до революции, блеф и неожиданный ход часто приносили победу.

– Понимаю, Евлампий Кузьмич, понимаю, – вдруг сменил тон Петька, сделав лицо серьезным и значительным. – Дело ответственное, рискованное. Но и награда за риск, знаете ли… бывает соответствующая. – Он кивнул на часы. – Часики у вас, я смотрю, знатные. Фамильные, небось?

Пыжов инстинктивно прикрыл часы рукой.

– Фамильные… От деда еще… Какое это имеет отношение?

– Самое прямое, Евлампий Кузьмич, – Петька понизил голос до заговорщицкого шепота. – Видите ли, товарищ Чапаев очень ценит символы. И время. Особенно сейчас, когда каждая минута на счету. А такие часы… это ж не просто часы, это символ точности, надежности! Как раз то, что нужно нашей "Победе" на пути к великой цели! – Он сделал многозначительную паузу. – Мы, конечно, могли бы их… ну… реквизировать для нужд революции. Но это как-то не по-товарищески. А вот если бы вы, Евлампий Кузьмич, как сознательный элемент, добровольно предоставили их нам… во временное революционное пользование… так сказать, на хранение и для сверки времени в штабе… пока мы Москву не освободим… Это был бы ваш личный вклад! И товарищ Чапаев, уж поверьте, такого не забывает.

Петька смотрел Пыжову прямо в глаза, и в его взгляде была такая хитрая смесь дружелюбия, намека на неизбежность и обещания каких-то неясных, но значительных благ, что начальник станции растерялся. Он переводил взгляд с Петьки на свои часы, потом на грозную фигуру Чапаева, который как раз отдавал какие-то резкие команды бойцам у угольного склада. Перспектива лишиться фамильной ценности "для нужд революции" без всяких компенсаций явно пугала его больше, чем упыри в данный конкретный момент, особенно когда рядом столько вооруженных людей.

– В-в-временное… пользование? – пролепетал он. – И… вернете?

– Как только красный флаг над Кремлем водрузим, Евлампий Кузьмич! – с непоколебимым оптимизмом заверил Петька, протягивая руку. – С благодарностью и, возможно, даже с революционной грамотой! Ну так что, поможете нам с ключами и покажете, где там у вас что к чему? А часики пока у меня побудут, под личную ответственность.

Пыжов тяжело вздохнул, но, помедлив, дрожащими руками отцепил часы и протянул их Петьке.

– Берегите… они это… памятные…

– Как свою винтовку! – заверил Петька, пряча часы во внутренний карман гимнастерки и подмигивая подошедшей Анке, которая с трудом сдерживала усмешку. – Ну вот и договорились! А теперь, Евлампий Кузьмич, ведите! Время не ждет!

И Пыжов, хоть и с опаской оглядываясь, все же повел Петьку к подсобкам, бормоча что-то о неблагодарности и тяжелых временах.

Тем временем, пока бойцы и часть железнодорожников, воодушевленные перспективой вырваться из "Тихой Заводи", споро грузили уголь в тендер и возились у водокачки под руководством Кузьмича, Фурманов решил не терять времени даром. Собрав вокруг себя оставшихся железнодорожников – тех самых, что недавно вылезли из подвала, еще не отошедших от страха и голода, – он начал импровизированную политинформацию.

– Товарищи железнодорожники! – загремел его голос, перекрывая лязг лопат и шипение пара. – Вы воочию узрели звериный оскал разлагающегося капитализма, породившего этих чудовищ, этих ходячих мертвецов, что пожирают плоть трудового народа! Но не отчаивайтесь! Ибо есть сила, способная противостоять этому хаосу! Это сила организованного пролетариата, ведомого единственно верным учением Маркса-Энгельса-Ленина! Наш бронепоезд "Победа" – это не просто сталь и огонь, это авангард мировой революции, пробивающийся сквозь тьму реакции к светлому будущему коммунизма!

Железнодорожники слушали комиссара с крайне смешанными чувствами. Седобородый Степан Матвеевич, стоявший ближе всех, растерянно хлопал глазами, пытаясь увязать пламенные речи о мировой революции с недавним ужасом сидения в темном подвале и урчанием в голодном желудке. Молодой парень, тот самый мальчишка, смотрел на Фурманова с широко раскрытыми глазами, то ли испуганно, то ли завороженно. Двое других мужиков постарше переглядывались, и на их изможденных лицах читалось скорее недоумение и усталость, чем революционный подъем. Один из них тихонько кашлянул и спросил:

– А… харчи-то будут, товарищ комиссар? Мы ж… почитай, трое суток маковой росинки во рту не держали…

Фурманов на мгновение сбился, но тут же обрел прежнюю уверенность.

– Продовольственный вопрос, товарищи, безусловно, важен! И он будет решен по мере продвижения к освобожденным районам! Но главное сейчас – идейная закалка! Понимание исторического момента! Вы должны осознать, что стали невольными участниками величайшей битвы за будущее человечества! Каждый ваш удар лопатой по углю, каждый поворот вентиля на водокачке – это ваш вклад в общую победу!

Чапаев, наблюдавший эту сцену издали, хмыкнул в усы и покачал головой, но вмешиваться не стал.

– Пусть поговорит, если охота, – буркнул он Петьке, который как раз вернулся с Пыжовым. – Может, кому и полегчает от его слов. Главное, чтоб работе не мешал.

Петька, усмехнувшись, посмотрел на группу железнодорожников, обступивших Фурманова.

– Красиво говорит, Василий Иваныч. За душу берет. Только вот, кажись, желудки у них другую песню поют.

Анка, стоявшая рядом и проверяющая крепление пулеметного диска, лишь чуть заметно пожала плечами. Ее больше интересовало, сколько еще угля влезет в тендер и не появится ли на горизонте какая-нибудь нечисть, привлеченная шумом. Политические дебаты на фоне апокалипсиса казались ей чем-то сюрреалистичным, но, видимо, для комиссара это было так же важно, как для нее – исправный пулемет.

Глава 3

Первая кровь и Петькины штаны

Сумерки сгустились быстро, переходя в глубокую, тревожную ночь. На станции "Тихая Заводь" кипела работа. Бойцы и железнодорожники, подгоняемые Чапаевым и необходимостью, спешно перекидывали уголь в тендер бронепоезда. Мерцающий свет нескольких керосиновых ламп, подвешенных к вагонам, выхватывал из темноты потные, напряженные лица, блеск лопат и черные, маслянистые груды топлива. Паровой насос на водокачке, растопленный Кузьмичом и Степаном Матвеевичем, уже мерно пыхтел, закачивая драгоценную воду в цистерны "Победы".

– Шевелись, шевелись, орлы! – подбадривал Чапаев, прохаживаясь вдоль состава. Его голос, обычно резкий, сейчас звучал почти ободряюще. Он понимал – люди на пределе. – Еще немного, и тронемся. Нечего тут корни пускать.

Петька, работая лопатой наравне со всеми, нет-нет да и поглядывал на Анку. Та, заняв позицию у своего "Льюиса" на платформе одного из вагонов, внимательно всматривалась в окружающую тьму. Ее силуэт на фоне звездного неба казался выточенным из гранита. Даже в этой суматохе Петька не мог не восхищаться ее выдержкой и сосредоточенностью. "Вот это баба," – думал он с гордостью и нежностью, отгоняя непрошеные мысли о романтике и сосредотачиваясь на угле.

Фурманов, после своей пламенной речи, тоже не остался в стороне. Сняв китель и засучив рукава, он, хоть и неловко, но с большим энтузиазмом, помогал грузить уголь, периодически изрекая что-нибудь вроде: "Труд, товарищи, облагораживает! Каждый кусок этого черного золота приближает нас к победе над тьмой!" Железнодорожники, уже немного пришедшие в себя после порции каши из общего котла, работали молча, но с каким-то отчаянным упорством. Возможность уехать отсюда была слишком сильным стимулом.

Именно в тот момент, когда последний ковш угля с глухим стуком упал в тендер, и Кузьмич дал сигнал, что цистерны полны, из темноты донесся первый тревожный звук. Нечеловеческий, протяжный вой, от которого кровь стыла в жилах.

– Что это? – нервно спросил Пыжов, который до этого старался держаться поближе к Чапаеву, как к самому надежному укрытию.

– Они, – коротко бросила Анка, ее голос был спокоен, но в нем звенела сталь. – Пришли на шум.

Чапаев мгновенно оценил обстановку.

– По местам! Бойцы, к орудиям! Железнодорожники, кто с винтовками – к вагонам, остальные – в укрытие! Анка, твой сектор – депо и склады! Петька, со мной! Огонь открывать только по моей команде или при явной атаке! Не тратить патроны зря!

Команды отдавались четко, без паники. Солдаты, привычные к подобным ситуациям, быстро занимали оборонительные позиции на бронепоезде, щелкая затворами. Несколько железнодорожников, вооруженных старыми берданками, неуверенно примкнули к ним. Остальные, включая Пыжова, который едва не падал в обморок от страха, поспешили укрыться в наиболее защищенных вагонах.

Вой повторился, уже ближе, и к нему присоединились другие, более низкие, рычащие звуки. Из темноты, со стороны леса, окружавшего станцию, и со стороны заброшенных путей, стали появляться темные, сгорбленные силуэты. Их движения были рваными, неестествен-

ными, но быстрыми. Упыри. Десятки, если не сотни. Их глаза фосфоресцировали в свете ламп тусклым, голодным огнем.

– Держать строй! – рявкнул Чапаев, вскидывая свой маузер. – Не дать подойти к поезду!

Первая волна тварей, хрипя и щелкая зубами, ринулась к станции.

– Огонь! – скомандовал Чапаев.

Ночь взорвалась грохотом выстрелов. Крупнокалиберные пулеметы бронепоезда ударили огненными трассами, срезая передние ряды нападавших. Анка со своего "Льюиса" вела прицельный огонь по наиболее крупным скоплениям, ее пулемет словно живой изрыгал короткие, смертоносные очереди. "Тра-та-та-та!" – пел он, и каждая нота этой песни была смертным приговором для очередной твари. Она не кричала, не суетилась, ее лицо было непроницаемо, только глаза горели холодным огнем ярости и сосредоточенности.

Петька, стоя рядом с Чапаевым, палил из своей винтовки, стараясь выцеливать тех, кто прорывался сквозь пулеметный огонь.

– Получай, гадина! – бормотал он сквозь зубы, перезаряжая оружие. Его обычный оптимизм сменился боевым азартом. Он видел, как один из железнодорожников, молодой парень, застыл от ужаса, когда упырь с оторванной челюстью почти дотянулся до него. Петька, не раздумывая, выстрелил, и тварь рухнула у самых ног парня.

– Не робей, браток! Бей их! – крикнул он, и парень, вздрогнув, начал неумело, но яростно отстреливаться.

Ураганная пальба захлестнула станцию. Воздух наполнился запахом пороха, смрадом разлагающейся плоти и отчаянными криками. Множество тварей, казалось, не обращали внимания на потери и лезли напролом. Некоторые пытались вскарабкаться на вагоны, цепляясь костлявыми пальцами за металл. Бойцы прикладами и штыками сбрасывали их вниз.

Чапаев, как истинный лидер, был в самом пекле. Он не только стрелял, но и руководил обороной, его зычный голос перекрывал шум боя:

– Правый борт, усилить огонь! Не подпускать к паровозу! Кузьмич, держи пар, если что – рванем!

Он сам уложил несколько тварей, которые подобрались слишком близко, его маузер действовал безотказно. В его движениях не было ни тени страха, только холодный расчет и несгибаемая воля к победе.

Фурманов, к всеобщему удивлению, тоже не остался в стороне. Схватив чью-то оброненную винтовку Мосина, он, бледный, но решительный, вел огонь по наступающим. Его выстрелы были не слишком меткими, но он стрелял, перезаряжал, снова стрелял, а в перерывах выкрикивал:

– Смерть контрреволюционной нечисти! Да здравствует мировая… А-а-а, получай, паразит! – Когда один из упырей, прорвавшись через заградительный огонь, бросился на него, Фурманов, отбросив бесполезную уже винтовку, с неожиданной для его интеллигентного вида яростью ударил тварь тяжелым прикладом по черепу. Упырь отлетел, а Фурманов, тяжело дыша, пробормотал – Вот вам… диалектика борьбы!

Железнодорожники, преодолев первоначальный ужас, отчаянно защищали свои жизни. Степан Матвеевич, старый, но не сломленный, палил из своей двустволки, заряженной крупной картечью, нанося упырям страшные раны. Даже трусоватый Пыжов, забившийся под вагон, вдруг нашел в себе смелость и начал швырять в нападающих куски угля и камни, сопровождая это истерическими воплями.

Бой был коротким, но яростным, как летняя гроза. Упыри лезли волна за волной, но плотный огонь защитников "Победы" и отчаянное сопротивление железнодорожников делали свое дело. Постепенно их напор стал ослабевать. Поляна перед бронепоездом была усеяна десятками дергающихся, а затем затихающих тел.

– Кажись, отбились… – выдохнул Петька, вытирая пот со лба рукавом гимнастерки. Руки его дрожали от напряжения.

Анка молча сменила перегревшийся ствол "Льюиса", ее взгляд все еще внимательно шарил по темным углам станции.

Чапаев опустил маузер.

– Рано радуешься, Исаев. Это могла быть только разведка боем. Но передышку они нам дали. – Он оглядел своих бойцов, железнодорожников. Несколько человек были ранены, к счастью, легко – царапины, ушибы. – Раненых перевязать! Боеприпасы пополнить! Кузьмич, давление в котлах на максимум! Как только рассветет – уходим отсюда к чертовой матери!

Ночь еще не закончилась, и тишина, наступившая после боя, была еще более зловещей, чем грохот выстрелов. Но "Победа" и ее люди выстояли. И это было главным.

Рассвет был еще далеко, а атаки упырей, казалось, только набирали силу. После короткой передышки, словно перегруппировавшись в окружающей тьме, твари снова полезли на станцию, на этот раз с еще большим остервенением. Они были как саранча – лезли из всех щелей, по трупам своих сородичей, не обращая внимания на огонь.

Анка, не отрываясь от "Льюиса", поливала свинцом самые густые скопления наступающих. Ее щеки раскраснелись от жара боя и напряжения, темные пряди волос выбились из-под косынки и прилипли ко лбу. Она была воплощением яростной богини войны, ее движения были точны и экономичны, каждый патрон – на счету. В какой-то момент ей пришлось сменить позицию, перебежав на другую сторону вагона, чтобы прикрыть фланг, куда прорывалась особенно наглая группа упырей.

Именно в этот момент, когда она отвлеклась, перезаряжая ленту, один из упырей, тварь особенно крупная и быстрая, каким-то образом сумел проскользнуть мимо заградительного огня с другой стороны, обогнул тендер и с жутким рыком бросился на Анку из темноты. Он двигался с поразительной для своего разложившегося тела ловкостью, когтистые лапы уже тянулись к ее горлу.

Петька, который как раз отбивался от пары тварей у соседнего вагона, краем глаза заметил смертельную опасность, нависшую над Анкой. Сердце ухнуло куда-то вниз. Не было времени ни крикнуть, ни прицелиться. Единственная мысль, молнией пронзившая его мозг: "Анька!"

Он бросился наперерез, как бросаются под поезд, спасая ребенка. Его верность и отчаянная решимость двигали им быстрее, чем здравый смысл. Он почти добежал, замахиваясь винтовкой как дубиной, когда его нога зацепилась за какой-то обломок шпалы или брошенный кем-то кусок металла, предательски скрытый в тени. С глухим возгласом Петька полетел вперед, прямо под ноги атакующему упырю.

Это было падение неуклюжее, смешное и, как ни странно, спасительное. Петька всем своим весом врезался в ноги твари. Упырь, не ожидавший такого подвоха снизу, взвыл от неожиданности и, потеряв равновесие, рухнул на землю рядом с Петькой, всего в каких-то сантиметрах от ошеломленной Анки.

Анка среагировала мгновенно. Ее стойкость и боевая выучка не подвели. Пока тварь барахталась, пытаясь подняться и одновременно дотянуться то до нее, то до сбившего ее с ног Петьки, Анка вскинула свой верный "Льюис" и выпустила короткую, точную очередь прямо в голову упыря. Череп разлетелся на куски, обдав Петьку чем-то мерзким и липким.

– Фу, ты, дьявол… – пробормотал Петька, пытаясь оттереть лицо. Он хотел подняться, по-геройски отряхнуться и, может быть, даже сказать что-нибудь вроде: "Всегда к вашим услугам, товарищ пулеметчица!" однако тут его ждал новый сюрприз.

Пытаясь встать, он почувствовал странную легкость в нижней части тела. Опустив взгляд, он с ужасом обнаружил, что его шаровары, зацепившись за какой-то острый металлический штырь, торчащий из земли во время его героического, но неловкого падения, предательски

расползлись почти пополам, а затем и вовсе сползли, оставив его в одних, мягко говоря, не очень героических подштанниках, латаных-перелатаных. Краска стыда мгновенно залила его лицо, перекрывая даже боевой азарт.

– Вот те на… революционный казус, – пролепетал он, растерянно оглядываясь и пытаясь прикрыться остатками штанов.

Анка опустила пулемет. Ее дыхание было все еще прерывистым, но в глазах, которые она устремила на Петьку, не было ни насмешки, ни обычного строгого выражения. В них светилась неожиданная, почти нежная теплота, смешанная с облегчением и чем-то еще, чего Петька не мог сразу определить. Это был взгляд, который согрел его больше, чем любой костер. Она смотрела на него, на его растерянное лицо, на его нелепое положение с порванными штанами, и уголки ее губ чуть заметно дрогнули в подобии улыбки.

– Живой, Петька? – ее голос был немного хриплым, но в нем слышались чувственные, бархатные нотки, которые так редко прорывались наружу. – Спасибо.

Прежде чем Петька успел что-либо ответить или попытаться как-то исправить свое щекотливое положение, вмешался Чапаев, который, заметив заминку на этом участке, подоспел с парой бойцов.

– Что тут у вас за представление? Исаев, ты чего это в неглиже расселся? А ну, в строй! Враг не ждет, пока ты штаны найдешь! – рявкнул он, но в его голосе, помимо обычной командирской строгости, прозвучало и облегчение, что оба его ценных бойца целы. Он быстро оценил развороченную голову упыря и кивнул Анке. – Молодец, Анка! Чистая работа.

Фурманов, который в это время отбивал атаку на другом конце поезда, патетически размахивая трофейной саблей (которую он подобрал у одного из убитых беляков еще в прошлых боях и теперь использовал скорее для устрашения, чем для реального боя), крикнул издалека, не видя всех деталей: – Товарищ Исаев проявил истинное самопожертвование во имя спасения товарища! Даже ценой… э-э… элементов обмундирования! Это есть подлинный героизм, достойный пролетарского бойца!

Петька, окончательно смущенный, но и немного гордый от такой высокой оценки комиссара и, главное, от взгляда Анки, кое-как подтянул остатки своих шаровар.

– Да я что… я ничего… Главное – Анка цела! А штаны – дело наживное! Революция еще не такие жертвы потребует! – бодро ответил он, стараясь скрыть свое смущение за привычным оптимизмом.

Анка тихо хмыкнула, и в этом звуке Петьке почудилась настоящая, теплая усмешка. Она быстро отвернулась, снова занимая позицию у пулемета, но Петька был уверен – тот взгляд он не забудет. Может, и стоило потерять штаны ради такого.

Бой за станцию "Тихая Заводь" достиг своего апогея. Упыри, словно взбесившись от потерь и запаха крови, лезли со всех сторон, пытаясь остановить бронепоезд, который уже начал медленно, с натужным скрипом и шипением пара, двигаться вперед. Кузьмич и Степан Матвеевич, бледные, но решительные, колдовали у топки и рычагов в паровозной будке, выжимая из старой машины все возможное.

– Давай, родимая! Поддай жару! – кричал Чапаев, стоя на передней орудийной площадке и отстреливаясь из маузера. Пули свистели вокруг, высекая искры из брони. – Огонь по колесам нечисти! Не дать им зацепиться! Петька, Анка, держите фланги!

Анка, заняв свою позицию, яростно косила наступающих тварей. Ее "Льюис" не умолкал ни на секунду, создавая огненный барьер. Она действовала с ледяным спокойствием, ее лицо было сосредоточенным и суровым, лишь в глубине глаз плескался холодный огонь. Петька, уже наскоро подпоясавшийся какой-то веревкой, чтобы остатки шаровар не спадали окончательно, стрелял из винтовки, стараясь прикрывать Анку и отгонять упырей, которые пытались залезть

на вагоны с его стороны. Его оптимизм не иссяк даже в этой мясорубке; он подбадривал себя и ближайших бойцов криками:

– Держись, братцы! Прорвемся! Москва за нами… ну, или хотя бы следующая станция с целыми штанами!

Бронепоезд медленно, но неумолимо набирал ход. Упыри цеплялись за поручни, пытались залезть под колеса, но бойцы Чапаева отбивались штыками, прикладами, отчаянным огнем. Несколько тварей сумели взобраться на крышу одного из вагонов и теперь пытались проломить люки.

– Гранатчики, на крышу! Сбросить эту падаль! – скомандовал Чапаев. Пара бойцов, рискуя быть сброшенными, метнули несколько гранат. Глухие взрывы смели нечисть с крыши.

Колеса стучали все быстрее, перемалывая тех немногих упырей, что успели оказаться на путях. Станционные постройки, охваченные пламенем от случайных попаданий и разлившихся горючих материалов, оставались позади, озаряя ночное небо жутким багровым светом. Еще несколько минут отчаянной стрельбы по преследователям, отчаянно бегущим за удаляющимся поездом, и вот "Победа", тяжело отдуваясь паром, вырвалась из смертельных объятий "Тихой Заводи". Тьма поглотила оставшихся позади тварей.

В штабном вагоне, когда бронепоезд уже мерно катился по рельсам, унося их прочь от пережитого кошмара, царила атмосфера усталости и нервного возбуждения. Бойцы перевязывали раны, чистили оружие, кто-то просто сидел, тупо уставившись в одну точку. Чапаев, стерев копоть с лица, проверял донесения о потерях и состоянии поезда. Анка молча протирала свой пулемет, ее движения были плавными и привычными.

Фурманов, поправив свой китель, который изрядно пострадал в бою, откашлялся, привлекая внимание.

– Товарищи! – начал он своим хорошо поставленным голосом, в котором, однако, еще слышались отголоски пережитого напряжения. – Мы только что вырвались из очередного адского котла, продемонстрировав несгибаемую волю и революционную стойкость! Каждый из вас – герой! Но я хотел бы особо отметить мужественный поступок товарища Исаева.

Петька, который как раз пытался незаметно пристроить найденный мешок вместо отвалившейся части штанов, вздрогнул и покраснел под всеобщими взглядами.

– Товарищ Исаев, – продолжал Фурманов, сделав шаг к Петьке, – не раздумывая ни секунды, бросился на выручку товарищу Анке, когда ей угрожала смертельная опасность. Он своим телом преградил путь врагу, рискуя собственной жизнью! Это истинный пример самопожертвования и большевистской взаимовыручки! Такой героизм должен быть отмечен и поставлен в пример!

Петька смущенно улыбнулся, ему было и приятно, и неловко одновременно.

– Да что там, товарищ комиссар… Обычное дело… Мы ж все тут друг за друга горой…

Фурманов кивнул, его лицо выражало принципиальное одобрение.

– Именно так, товарищ Исаев! Идейная сплоченность – вот наша главная сила! – Затем он чуть нахмурился, его взгляд опустился ниже Петькиного пояса. – Однако, товарищ Исаев, при всем уважении к вашему подвигу, должен заметить, что ваш внешний вид… э-э… несколько не соответствует облику бойца Красной Армии. Потеря элементов обмундирования в бою, конечно, бывает, но следует стремиться к поддержанию должного порядка и дисциплины даже в мелочах. Это важно для поддержания морального духа и…

Не успел Фурманов закончить свою тираду, как Чапаев, до этого молча наблюдавший за сценой с легкой усмешкой в глазах, громко рассмеялся. Его смех был заразительным, немного грубоватым, но искренним.

– Эх, Дмитрий Андреич, ну ты даешь! Зануда ты, хоть и правильный! – Чапаев хлопнул Петьку по плечу так, что тот едва устоял на ногах. – Главное, Петька, голова на плечах осталась, да сердце верное! А штаны – дело наживное! На следующей станции у буржуев какие-нибудь трофейные раздобудем, еще и с лампасами, может!

Петька облегченно рассмеялся вместе с Чапаевым и другими бойцами, которым явно пришлась по душе такая оценка командира. Напряжение в вагоне немного спало.

– Так точно, Василий Иваныч! – бодро отрапортовал Петька. – Голова на месте, и Анка цела – это главное! А без штанов даже бегать сподручнее, если что!

Анка, стоявшая чуть поодаль, услышав это, едва заметно улыбнулась. Она бросила на Петьку быстрый, теплый взгляд, в котором читалось что-то большее, чем просто благодарность. Возможно, даже некоторая гордость за этого непутевого, но такого верного и отчаянно смелого парня.

Фурманов, видя, что его педагогический момент несколько смазан, лишь вздохнул, но спорить с Чапаевым не стал. Он понимал, что у командира дивизии свой, прагматичный подход к вещам, и в условиях этой безумной войны он часто оказывался более действенным, чем строгие уставные предписания.

– Ладно, товарищи, – сказал он уже более мягко. – Отдыхайте. Впереди нас ждут новые бои за светлое будущее.

"Победа" продолжала свой путь сквозь ночь, увозя своих защитников к новым, еще неведомым испытаниям. А Петька думал, что, пожалуй, потерять штаны – не такая уж большая цена за такой взгляд Анки и одобрительный смех Чапаева. Да и комиссар, в общем-то, прав – героизм героизмом, а новые штаны все-таки понадобятся.

Глава 4

Фурманов и философия зомби

Бронепоезд "Победа" уже несколько часов размеренно стучал колесами, унося чапаевцев все дальше от проклятой станции. За окнами штабного вагона тянулась бесконечная, выжженная солнцем степь, лишь изредка нарушаемая перелесками или заброшенными хуторами. После пережитого боя и короткого, тревожного сна бойцы постепенно приходили в себя.

Фурманов, однако, не мог сидеть без дела. Его неуемная энергия искала выход, и, поскольку непосредственной угрозы в данный момент не наблюдалось, он обратил свой пытливый ум к теоретическим изысканиям. Разложив на небольшом столике несколько потрепанных блокнотов и огрызок химического карандаша, он с сосредоточенным видом что-то строчил и бормотал себе под нос. Время от времени он поднимал голову и обводил взглядом присутствующих, словно ища подтверждения своим мыслям.

Чапаев, полулежа на своей койке, вертел в руках трофейную немецкую каску – стальной шлем с характерными "рогами". Он то надевал ее набекрень, то стучал по ней костяшками пальцев, извлекая глухой звук, то просто задумчиво разглядывал, словно пытаясь проникнуть в тайны ее прежнего владельца. Слушал он Фурманова вполуха, больше поглощенный собственными мыслями о предстоящем пути, запасах и возможных засадах.

Петька, кое-как приладивший мешковину к остаткам своих шаровар так, чтобы это выглядело хотя бы отдаленно прилично, сидел на ящике с патронами неподалеку и с интересом наблюдал за комиссаром. Он уже успел немного вздремнуть и теперь чувствовал себя почти бодрым.

– Вот, товарищи, я тут размышляю над природой этих… упырей, – наконец, произнес Фурманов, отрываясь от своих записей. Голос его звучал серьезно и даже торжественно. – И прихожу к выводу, что их появление – это не просто случайность, не какая-то там мистическая чертовщина, как пытаются представить темные, необразованные элементы. Нет! Это, я уверен, прямое следствие классовой борьбы, доведенной до своего крайнего, так сказать, биологического выражения!

Чапаев хмыкнул, не отрывая взгляда от каски.

– Ну, завернул, Дмитрий Андреич. Биологического, говоришь? Они ж, вроде, мертвые… Или не совсем?

– Именно! В этом-то и суть! – воодушевился Фурманов, почувствовав хоть какой-то интерес. – Посмотрите, кто они, эти твари? Бывшие люди, лишенные разума, движимые лишь низменными инстинктами – голодом, агрессией. Это же явная аллегория на буржуазию на последней стадии ее разложения! Класс, изживший себя исторически, цепляющийся за остатки былого господства, пожирающий все вокруг, не способный к созиданию, а лишь к разрушению и потреблению!

Петька тихонько фыркнул, прикрыв рот рукой.

– То есть, товарищ комиссар, вы хотите сказать, что ежели какой буржуй недобитый помрет, так он обязательно упырем станет? А если пролетарий, то нет?

Фурманов строго посмотрел на Петьку, но в его взгляде не было гнева, скорее снисходительность наставника к неразумному ученику.

– Не упрощай, товарищ Исаев. Диалектика процесса гораздо сложнее. Речь идет не о каждом конкретном индивиде, а о классовой сущности. Буржуазное общество, основанное на эксплуатации и погоне за прибылью, порождает моральное и физическое вырождение. Их паразитическая природа, их нежелание смириться с победой пролетариата, их цепляние за старый

мир – вот что, возможно, и приводит к такой чудовищной трансформации после… э-э… определенного воздействия. Возможно, это какой-то вирус или зараза, которая поражает именно тех, кто внутренне готов к такому распаду, кто уже мертв духовно!

Чапаев перестал вертеть каску и посмотрел на Фурманова с некоторым любопытством.

– То есть, ты думаешь, Дмитрий Андреич, что это не просто так они на нас кидаются, а потому что мы – представители нового, прогрессивного класса, а они – старое, отмирающее?

– Именно, Василий Иванович! Именно! – Фурманов даже привстал от возбуждения. – Они инстинктивно чувствуют в нас угрозу своему гниющему миру! Наша организованность, наша идейная убежденность, наша воля к построению нового общества – все это для них как святая вода для чертей! Они – это прошлое, которое пытается утащить нас обратно во тьму. А мы – будущее! И наша борьба с ними – это не просто выживание, это продолжение классовой битвы другими, более… жуткими средствами!

Петька задумчиво почесал в затылке.

– Хм, занятная теория, товарищ комиссар. Выходит, если мы всех буржуев перебьем, то и упыри исчезнут? Или они из бывших белогвардейцев тоже получаются? Те ведь тоже за старый мир воевали.

– Безусловно, контрреволюционные элементы, примкнувшие к буржуазии, подвержены тому же тлетворному влиянию! – авторитетно заявил Фурманов. – Их идеология – это идеология разложения. А вот сознательный пролетарий, закаленный в боях, преданный делу революции, он, я уверен, обладает внутренним иммунитетом к этой заразе! Его дух слишком силен, его цели слишком высоки, чтобы поддаться такому низменному перерождению!

Чапаев снова хмыкнул и с силой нахлобучил немецкую каску себе на голову. Она съехала ему на самые брови.

– Ну, не знаю, Дмитрий Андреич, насчет иммунитета… Вон, на "Тихой Заводи" и железнодорожники, простые работяги, тоже от них отбивались, да и боялись не меньше нашего. И кусали их эти твари без разбора, не спрашивая классовой принадлежности. Пуле они тоже одинаково боятся, что буржуйской, что пролетарской закалки. – Он постучал пальцем по каске. – Вот эта штука, например, принадлежала какому-нибудь фрицу. Он за свой кайзеровский империализм воевал. Стал он упырем или нет – кто его знает? А каска вот – вещь полезная, голову от осколка защитить может, независимо от твоих политических взглядов.

Петька не удержался от комментария:

– Точно, Василий Иваныч! И от падения с лошади тоже помогает, ежели что. А вот если бы упыри только буржуев кусали, так это была бы самая справедливая война на свете! Мы бы им еще и списки давали, кого первым делом употребить.

Фурманов слегка поморщился от Петькиной прямолинейности, но не сдался.

– Юмор здесь неуместен, товарищ Исаев. Вопрос серьезный, стратегический! Понимание классовой природы врага дает нам ключ к победе! Мы должны не просто уничтожать их физически, но и идейно разоблачать их сущность! Объяснять бойцам, что они сражаются не с безликими монстрами, а с последним, самым омерзительным проявлением умирающего капитализма! – Он снова склонился над своими записями. – Я намерен разработать подробную лекцию на эту тему. "Упыризм как высшая стадия империалистического загнивания". Думаю, это поднимет боевой дух и придаст нашей борьбе еще большую осмысленность.

Чапаев снял каску и подбросил ее на ладони.

– Ну, лекция – это хорошо, Дмитрий Андреич. Для политзанятий сгодится. Главное, чтоб патронов хватило на всех этих… загнивающих. А то, знаешь, пока будешь им про классовую сущность рассказывать, они и сожрать могут, не дожидаясь конца лекции. – Он усмехнулся.

– А так, теория твоя, может, и верная. Кто их, этих упырей, разберет. Одно ясно – гады они редкие, и бить их надо крепко. Без всяких теорий.

Петька кивнул.

– Это точно, Василий Иваныч. Главное – меткий выстрел и верный товарищ рядом. А уж буржуй он там бывший или просто с голодухи озверел – пуле все едино. Хотя, конечно, если товарищ комиссар придумает, как их словом лечить, это будет даже лучше, чем пулеметом. Экономия боеприпасов!

Фурманов поднял на Петьку строгий, но уже не осуждающий взгляд.

– Диалектический материализм, товарищ Исаев, не исключает необходимости практических действий. Слово и дело должны идти рука об руку в нашей священной борьбе.

Он снова углубился в свои записи, а бронепоезд "Победа" продолжал свой путь по бескрайней степи, увозя своих таких разных, но объединенных общей целью обитателей навстречу неизвестности. Чапаев задумчиво покачивал немецкой каской, Петька пытался придумать, где бы раздобыть новые штаны, а Фурманов строил новую классовую теорию для мира, сошедшего с ума.

Степной ветер завывал в щелях бронепоезда, убаюкивающе качая вагоны. "Победа" неслась вперед, оставляя за собой клубы дыма и пыли. В штабном вагоне Фурманов все еще корпел над своей "классовой теорией упыризма", время от времени декламируя особо удачные, по его мнению, пассажи. Чапаев, которому немецкая каска, видимо, уже успела изрядно надоесть, отложил ее в сторону и теперь сосредоточенно точил свою шашку, изредка бросая на комиссара скептические взгляды. Петька пытался дремать, но грохот поезда и пламенные речи Фурманова мешали.

– Вот слушай, Василий Иваныч, – в очередной раз обратился Фурманов к командиру, – "их ненасытный голод – это же метафора безудержного капиталистического накопления! Они пожирают все живое, не производя ничего взамен, точно так же, как буржуазия высасывает соки из пролетариата!

– Ага, – промычал Чапаев, не отрываясь от шашки. – Только буржуй тебя хоть разговором займет, прежде чем сожрать, а эти молча. И не поспоришь.

Петька хмыкнул:

– Товарищ комиссар, а может, они просто очень кушать хотят? Ну, как я вот сейчас. Может, их борщом покормить, и они подобреют?

– Исаев, ваш примитивизм порой поражает! – строго отрезал Фурманов. – Речь идет о глубинных социально-экономических процессах, а не о простом утолении физиологических потребностей!

Внезапно поезд начал замедлять ход, скрежеща тормозами.

– Что еще за чертовщина? – Чапаев вскочил на ноги, рука его привычно легла на рукоять маузера.

– Разъезд, Василий Иваныч! – доложил вбежавший боец. – Небольшой, вроде заброшенный. Кузьмич говорит, надо бы воды набрать, если есть где, да котел проверить, что-то барахлит после той тряски.

Чапаев выглянул в узкую бойницу. Действительно, впереди виднелось несколько покосившихся строений, ржавая водонапорная башня и одинокий семафор, застывший в положении "путь свободен", что в нынешних условиях выглядело злой иронией.

– Разведку выслать! – коротко приказал Чапаев. – Анка, Петька, да еще пару ребят. Осмотритесь, только осторожно. Мало ли какая нечисть тут гнездо свила.

Разъезд оказался действительно заброшенным. Пыль и запустение царили повсюду. Однако в одном из домишек, видимо, бывшей конторе начальника разъезда или каком-то исследовательском пункте, Петька, проявив свою обычную смекалку и любопытство, обнаружил под грудой полуистлевших бумаг и разбитой аппаратуры толстую тетрадь в кожаном переплете.

– Василий Иваныч, товарищ комиссар! Глядите, что нашел! – с гордостью продемонстрировал он свою находку, когда разведгруппа вернулась к поезду. – Кажись, дневник какой-то. Ученый, видать, писал.

Фурманов тут же выхватил тетрадь. Его глаза загорелись идейным огнем.

– Дневник? Это может быть чрезвычайно важно! Возможно, здесь кроется разгадка происхождения этих… тварей!

Он быстро перелистал страницы, исписанные убористым, но уже начавшим расплываться от времени и сырости почерком. Остальные сгрудились вокруг, ожидая. Анка стояла чуть поодаль, но ее внимательный взгляд был прикован к комиссару.

– Так… так… – бормотал Фурманов, водя пальцем по строчкам. – Год 1925… Семь лет… Ого! Слушайте, товарищи!

Он прокашлялся и начал читать вслух, выбирая наиболее значимые, на его взгляд, фрагменты, пересказывая и комментируя их по ходу. Голос его дрожал от волнения и значимости момента.

– Пишет некий ученый… Имя неразборчиво… но суть ясна! Все началось, товарищи, не со стихийного бедствия, а с человеческих рук! Здесь говорится об экспериментах… в Германии или Швейцарии… группа амбициозных ученых, финансируемых, внимание, 'тайным международным консорциумом промышленников'! – Фурманов многозначительно посмотрел на Чапаева.

– Они пытались создать… 'Эликсир Бессмертия', 'Вирус Прометея'… хотели добиться 'радикального продления человеческого века', 'невиданной регенерации тканей'! Фактически, товарищи, они пытались создать своего рода 'живую воду'! – здесь Фурманов сделал паузу, давая слушателям осознать масштаб замысла.

Петька присвистнул.

– Живую воду? Как в сказках? Чтоб мертвых оживлять и раны заживлять? Вот это да! А чего ж тогда такие страшилы получились?

– А потому, товарищ Исаев, – продолжал Фурманов, его голос приобретал обличительные нотки, – что их 'Вирус Прометея' действительно 'перезапускал угасшие клетки', но 'огонь, похищенный у богов, вместо того чтобы осветить человечеству путь к вечной жизни, обернулся всепожирающим пожаром'! Первые 'воскресшие', как пишет этот ученый, были 'жалкими, неуклюжими подобиями людей, лишенными разума, движимые одним-единственным, первобытным инстинктом – голодом'! И зараза передавалась с каждым укусом!

Чапаев, до этого молча слушавший, нахмурился.

– Значит, это не черти из пекла, а дело рук человеческих… Промышленники, говоришь? Зачем им это было надо? Чтобы солдаты их вечно воевали, что ли?

– Именно, Василий Иванович! – воскликнул Фурманов, ударив кулаком по раскрытому дневнику. – Это же очевидно! Это происки империалистов! Их вечная погоня за сверхприбылями, за новыми рынками, за мировым господством! Они хотели создать идеального солдата, не знающего страха и смерти, или, возможно, эликсир вечной жизни для себя, для избранных

эксплуататоров, чтобы вечно править миром! А на остальное человечество им было наплевать! И вот результат их чудовищных, антигуманных экспериментов! Они выпустили джинна из бутылки, и этот джинн пожирает теперь мир!

Лицо Фурманова было красным от праведного гнева.

– Вирус мутировал, стал агрессивнее… 'Зомби', 'Ходячие Упыри'… сбиваются в орды… Это прямое следствие их преступной халатности и безграничной алчности! Вот вам истинная природа капитализма в его самой отвратительной, людоедской форме! Моя теория о классовом разложении находит здесь прямое подтверждение! Эти 'промышленники' – и есть главные упыри, породившие легионы своих ходячих мертвецов!

Петька посмотрел на Чапаева, потом на Фурманова.

– Так это что ж получается, товарищ комиссар? Немцы, что ли, эту заразу придумали? Или эти… швейцарцы? А наши буржуи тут ни при чем?

– Международный консорциум, товарищ Исаев! – поправил Фурманов. – Империализм не имеет национальности, у него одна цель – нажива и угнетение! И будьте уверены, что и российская буржуазия, если бы имела такую возможность, с радостью бы приложила руку к подобным экспериментам, если бы это сулило им выгоду!

Чапаев задумчиво потер подбородок.

– Ну, что ж… Картина проясняется, хоть и невеселая. Значит, не божья кара и не природа взбесилась, а какие-то умники черт-те что нахимичили. Это, конечно, многое объясняет. Но не сильно помогает. Бить-то их все равно нам. – Он посмотрел на дневник. – Там еще что-нибудь полезное есть? Может, как их обратно в людей превратить, или чем они этой 'живой воды' боятся?

Фурманов снова углубился в чтение, но вскоре разочарованно покачал головой.

– Увы, Василий Иванович. Дальше здесь в основном описание распространения заразы, падения городов… обрывки наблюдений… Ничего о способах излечения или специфических уязвимостях. Ученый, похоже, и сам был в отчаянии, просто фиксировал происходящее. Дневник обрывается…

– Жаль, – протянул Чапаев. – Ну, хоть будем знать, кому 'спасибо' говорить за эту веселую жизнь. Империалистам, значит. Что ж, Дмитрий Андреич, теперь твоя теория про классовую борьбу с упырями еще крепче стала. А нам – патроны экономить да глядеть в оба.

Он обвел взглядом своих бойцов, затем заброшенный разъезд.

– Воду набрали? Котел в порядке? Тогда по коням. Нечего тут рассиживаться. Чем дальше от этих 'лабораторий' – тем лучше.

После того как бронепоезд снова набрал ход, оставив позади заброшенный разъезд с его тревожными тайнами, в штабном вагоне на некоторое время воцарилась относительная тишина. Фурманов, потрясенный и одновременно воодушевленный содержанием найденного дневника, заперся в своем углу и что-то лихорадочно строчил, вероятно, дополняя свою "классовую теорию упыризма" новыми, неопровержимыми, по его мнению, фактами. Чапаев, убедившись, что непосредственной опасности нет, отдал распоряжения по охране и отправился инспектировать пулеметные гнезда, оставив Петьку наедине с его бытовыми проблемами.

А проблема у Петьки была насущная и весьма деликатная – его многострадальные штаны. Мешковина, прилаженная наспех, постоянно норовила отвалиться, а дыра, которую она прикрывала, казалось, только увеличивалась в размерах. Вспомнив наставления своей покойной матушки, что каждый боец должен уметь хотя бы пуговицу пришить, Петька раздобыл у кого-то из бойцов толстую иглу и суровую дратву. Теперь он сидел на ящике из-под патронов, сдвинув брови и высунув от усердия кончик языка, и пытался совершить это нехитрое, казалось бы, действо – зашить прореху.

Получалось, откровенно говоря, из рук вон плохо. Иголка то и дело соскальзывала, колола пальцы, а стежки ложились криво, как пьяный мужик по снегу. Петька пыхтел, чертыхался шепотом и время от времени с отчаянием смотрел на дело своих рук.

– Эх, не мужское это дело, штаны латать, – думал он. – Тут бы бабу умелую, она бы враз…

В этот момент дверь вагона тихо скрипнула, и на пороге появилась Анка. В руках она держала небольшую, закопченную миску, прикрытую чистой, хоть и старой, тряпицей. Она выглядела немного уставшей, но глаза ее светились какой-то особой теплотой, когда она посмотрела на Петьку.

– Петь, ты тут? – негромко спросила она.

Петька от неожиданности чуть не укололся иглой в очередной раз. Он быстро спрятал штаны за спину, словно застигнутый на месте преступления.

– А… Анка! Я тут, да… Заходи, – пробормотал он, чувствуя, как краска заливает его щеки. Он всегда немного робел перед ней, особенно после того случая на станции.

Анка подошла ближе. От миски исходил слабый, но невероятно аппетитный аромат.

– Я тут… немного сообразила, – сказала она, чуть смущаясь, и протянула ему миску. – Помнишь, на том полустанке муки немного раздобыли да банку сгущенки трофейную? Ну, я ее берегла… Вот, оладушек испекла. Горячие еще. Ты ведь с утра, поди, не ел толком ничего.

Петька с изумлением посмотрел на миску, потом на Анку. В миске, на чистой тряпочке, лежали несколько небольших, пышных, золотисто-румяных оладий. От них шел пар и тонкий, сладковатый аромат, который казался чем-то невозможным, почти сказочным в их суровой, пропахшей порохом и мазутом реальности. Сгущенка! Да он и забыл, когда в последний раз видел что-то подобное.

– Анка… ты… это мне? – голос его дрогнул.

– Тебе, кому ж еще, – улыбнулась она. – За то, что… ну, ты сам знаешь. Если бы не ты тогда… – Она не договорила, но Петька все понял.

Он осторожно взял миску. Руки его слегка дрожали.

– Спасибо, Анка… Вот уж не ожидал… Это ж… это ж просто царское угощение!

Он взял один оладушек. Тот был мягким, теплым. Откусил. Нежный, чуть сладковатый вкус буквально взорвался во рту. После сухарей и концентратов это было нечто божественное.

– Ну как? – с затаенной тревогой спросила Анка, наблюдая за ним.

– Ань… это… это просто… слов нет! – Петька прожевал и посмотрел на нее сияющими глазами. – Век бы такие ел! Ты где так научилась?

– Да мамка еще учила, – чуть смущенно ответила Анка, и на ее лице мелькнула тень грусти, тут же сменившаяся довольной улыбкой от Петькиной похвалы. – Ешь, пока горячие.

Петька с аппетитом уплетал оладьи, а Анка стояла рядом, наблюдая за ним. В какой-то момент ее взгляд упал на брошенные Петькой на ящик штаны и иголку с дратвой. Она увидела несколько неуклюжих, стянутых стежков, больше похожих на шрамы, чем на шов. И вдруг, впервые за долгое, очень долгое время, Анка рассмеялась. Негромко, но так искренне и

заразительно, что Петька даже оладушком поперхнулся. Ее смех был чистым, как родниковая вода, и в нем не было ни капли насмешки – только теплое, светлое веселье.

Петька покраснел до корней волос.

– Ну чего ты, Ань… Я это… старался… – пробормотал он, чувствуя себя ужасно неловко, но одновременно ему было почему-то невероятно радостно от этого ее смеха. Он так давно не видел ее смеющейся.

Анка, отсмеявшись, вытерла выступившие слезинки.

– Ой, Петька, ну ты даешь! Вояка ты отменный, а вот швец из тебя… – она снова улыбнулась. – Давай сюда свои… художества.

Она без тени брезгливости взяла из его рук изрядно потрепанные штаны и иголку.

– Смотри, как надо, – сказала она уже серьезнее, но с огоньком в глазах.

Ее пальцы, привыкшие и к тяжелой работе, и к спусковому крючку пулемета, теперь ловко и быстро орудовали иголкой. Дратва ложилась ровными, крепкими стежками, и безобразная дыра на Петькиных штанах начала исчезать под ее умелыми руками, превращаясь в аккуратную, почти незаметную заплату.

Петька сидел рядом, доедая последний оладушек, и молча смотрел, как Анка работает. Он видел ее сосредоточенное лицо, легкую прядь волос, выбившуюся из-под косынки, ее сильные, но женственные руки. И ему было так хорошо и спокойно рядом с ней, как не было уже очень давно. Запах оладий смешивался с едва уловимым запахом ее волос, и этот простой, почти домашний момент посреди войны и хаоса казался ему дороже всех наград.

– Вот, почти готово, – сказала Анка, откусывая нитку. – Носи на здоровье. И старайся больше так… художественно не рвать.

Она протянула ему штаны. Заплата была сделана на совесть – крепко и аккуратно.

– Спасибо, Анка, – искренне сказал Петька, принимая штаны. – Ты меня просто спасла. И от голода, и от… позора. – Он усмехнулся. – Ты это… мастерица на все руки.

Анка чуть пожала плечами.

– На войне всему научишься. И стрелять, и штопать. – Она поднялась. – Ну, я пойду. Дела еще есть.

Но прежде чем уйти, она на мгновение задержалась, и ее взгляд снова встретился с Петькиным. В нем была мягкость и что-то еще, чему Петька не мог подобрать названия, но отчего у него снова забилось сердце.

– Оладьи… были очень вкусные, Ань, – тихо сказал он.

Она улыбнулась.

– Рада, что тебе понравилось.

И вышла, оставив Петьку с починенными штанами и теплом в душе, которое было гораздо важнее любых штанов. Он понял, что сегодняшний день, несмотря на все ужасы прошлого и неопределенность будущего, был одним из лучших.

Глава 5

Город призраков

Бронепоезд "Победа", тяжело отдуваясь после битвы за "Тихую Заводь" и долгого, напряженного перехода, медленно подползал к окраинам Пензы. Город, некогда крупный губернский центр, теперь представлял собой жуткое зрелище. Даже издали, сквозь мутную пелену дыма от многочисленных пожарищ, виднелись зияющие пустотой окна домов, обрушенные крыши и зловещая тишина, нарушаемая лишь отдаленным, невнятным гулом, от которого стыла кровь в жилах. Это был гул, который чапаевцы уже научились распознавать – гул огромного скопления ходячих мертвецов.

Чапаев, Фурманов, Петька и Анка стояли на передней орудийной площадке, вглядываясь в открывающуюся панораму. Степан Матвеевич, спасенный железнодорожник, который вызвался быть проводником, поскольку знал этот участок дороги как свои пять пальцев, стоял рядом, его лицо было серым от дурных предчувствий.

– Вот она, Пенза-матушка, – глухо проговорил он, указывая дрожащей рукой на силуэт города. – Или то, что от нее осталось. Говорили, тут совсем худо стало еще год назад. Орда зашла – и как корова языком слизала.

– Главный вокзал нам нужен, Матвеич, – Чапаев опустил бинокль, его лицо было непроницаемо. – Через него основной путь на запад, к Москве, идет. Есть обходные пути?

Степан Матвеевич покачал головой.

– Обходные есть, товарищ командир, да только они такие, что и без упырей застрять можно. Крюк верст на двести, а пути там – одно название. Размыты, разобраны. Нет, если на Москву спешить, то только через Пензу-Первую, через главный вокзал. Там пути самые крепкие были, двойная колея.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.